

Глава 3

ИНСТИТУТ АРЗУМАНЯНА (1956–1965 ГОДЫ)

Первые шаги

Процесс первоначального организационного оформления ИМЭМО как научно-исследовательского центра, начавшийся в мае 1956 г., в целом завершился к ноябрю того же года. В первых числах ноября, накануне 39-й годовщины Октябрьской революции, которую все совучреждения торжественно отмечали «трудовыми рапортами», более 200 сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР впервые собрались вместе в своем здании на Сукином болоте, чтобы заслушать доклад А.А. Арзуманяна «О направлении научной работы и задачах ИМЭМО АН СССР». Интерес к этому первому собранию трудового коллектива был огромный. Каждый научный сотрудник, конечно, уже имел представление о собственном участке работы и о направлении исследований «своего» сектора. Теперь предстояло узнать о том, какие задачи призван решать Институт в целом.

Текст первого выступления А.А. Арзуманяна перед сотрудниками ИМЭМО сохранился в Архиве РАН, что позволяет нам ознакомиться с основными его положениями¹. Этот документ важен также для понимания научной и гражданской позиции самого Арзуманяна.

Арзуманян начал доклад с констатации крайне неблагоприятного положения в изучении проблем экономики и политики современного капитализма, которое сложилось в СССР после окончания войны. Дефицит научных кадров в этой области, низкий теоретический уровень большинства имеющихся работ, «замена научного анализа описаниями и ползучим эмпиризмом, догматизмом и начетничеством» — таковы, по мнению Арзуманяна, главные черты переживаемого советской экономической наукой кризиса.

Ответственность за этот очевидный кризис, по твердому убеждению Арзуманяна, лежала на Сталине. Далее Арзуманян подробно обосновал свою точку зрения. Вот что он сказал по этому вопросу:

«Известно, что культ личности нанес огромный вред научно-исследовательской работе. Одно время создалось такое положение, когда наши

¹ См.: Архив Российской академии наук (далее везде: Архив РАН. – П.Ч.). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–25.

ученые усматривали свою задачу лишь в том, чтобы переложить и популяризировать высказывания И.В. Сталина. В результате научно-исследовательская работа была резко ослаблена. <...>

В той области науки, в которой работает ИМЭМО, также декретировался ряд неправильных положений. В самом деле, указывалось, например, что наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны явился распад единого всеохватывающего мирового рынка на два параллельных мировых рынка, противостоящих друг другу. Сама постановка и подход к решению этого вопроса, безусловно, неверны. Марксисты ставят во главу угла отношения производства, а не обращения. Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала собой установление нового типа производственных отношений — социалистические производственные отношения. Новое в международной обстановке после второй мировой войны состоит в том, что социализм вышел за границы одной страны и сложилась мировая система социализма. Это — главная черта нашей эпохи. Создание нового рынка связано не с войной и экономической блокадой социалистических государств капиталистическими странами, а прежде всего с революциями, свершившимися в ряде стран Европы и Азии. Связывать же распад мирового рынка только с войной и блокадой — это значит, по сути дела, смазывать и отрицать те глубокие революционные процессы, которые произошли в Европе и в Азии, в результате которых установился новый тип производственных отношений, что и стало основой мировой системы и нового мирового рынка.

Далее, углубление общего кризиса капитализма совершенно неправомерно стало связываться в нашей литературе лишь с итогами второй мировой войны. Между тем не только война расшатала капитализм и подорвала его позиции. Еще более сильно расшатали капиталистический мир и подорвали его позиции революции и национально-освободительные движения. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Внешние возможности маневрирования империализма в экономической и политической областях все более сокращаются и в то же время усиливаются внутренние противоречия империализма. Процесс углубления общего кризиса капитализма протекает весьма интенсивно. Следовательно, чтобы правильно понять и оценить все эти процессы, нужно подойти к ним не со стороны сферы обращения, а со стороны глубокого изучения тех изменений, которые происходят в области производства, производственных отношений, необходимо изучить революционные и национально-освободительные движения в странах Европы и Азии и т.д. Только глубокий анализ изменений в производственных отношениях, в расстановке классовых и политических сил сделает возможным правильную оценку тех процессов, которые происходят в настоящее время на международной арене.

Остановимся, наконец, еще на одной догме — будто агрессивные нации более подготовлены к войне, чем мирные нации. По существу этот тезис утверждает фатальную закономерность опоздания в обороне миролюбивой страны. Советский народ является мирным народом, СССР — оплотом

мира во всем мире. Но разве из этого следует, что Советский Союз должен опаздывать в подготовке к обороне? Разумеется, советский народ не может примириться с такой идеей, с такой постановкой вопроса. И если Советский Союз требует мира, если он добивается сокращения вооруженных сил и вооружений, то это вовсе не означает, что Советский Союз стоит за разоружение социализма перед капитализмом. Мы — за укрепление позиций социализма, и борясь за мир, за разоружение, мы тем самым хотим создать благоприятную обстановку для более быстрого движения к коммунизму, для более быстрого решения рабочим классом и всеми трудящимися в капиталистических странах стоящих перед ними задач.

Все это свидетельствует о необходимости творческого подхода к научно-исследовательской работе, преодоления ошибок и неправильных наслоений, которые имели место в последние годы. Научно-исследовательская работа должна быть освобождена от догматизма, начетничества, неправильных наслоений...».

Расчистка наслоений сталинизма в изучении экономики и политики современного капитализма станет одной из главных задач Арзумяна и возглавляемого им Института. Разумеется, эта борьба велась, пусть и в расширенных после XX съезда, но все же в рамках марксистско-ленинской методологии. Но при этом следует учитывать, что большинство советских политэкономов и после 1956 г. все еще придерживались сталинских догм. Сталинисты были сильны и в высшем партийном руководстве. Известно, например, что В.М. Молотов был убежденным сторонником продолжения холодной войны и противником линии на мирное сосуществование, начатой после смерти Сталина. Именно его, а не только покойного вождя, скорее всего, имел в виду Арзумян, когда доказывал, что «мирные нации» могут успешно противостоять «агрессивным нациям», не прибегая к войне. С Молотовым Арзумян будет полемизировать и в дальнейшем.

Перейдя в своем докладе к определению задач, стоящих перед ИМЭМО, Арзумян сделал акцент на обязательном совмещении теоретических исследований с практическими потребностями «директивных инстанций» в области внешней и экономической политики.

«Главное внимание коллектива работников ИМЭМО, — подчеркнул директор, — должно быть уделено серьезным теоретическим исследованиям. У нас иногда думают, что изучение экономики и политики зарубежных стран в научных учреждениях, в конце концов, не так важно — этим-де могут заниматься соответствующие ведомства. Но такое мнение глубоко неправильно. Никакие ведомственные учреждения не могут заменить глубокого научного изучения капиталистического мира. Без научной, теоретической разработки проблем мировой экономики и международных отношений, без серьезного марксистско-ленинского анализа и обобщения новых явлений в области экономики и политики зарубежных стран нельзя уверенно двигаться вперед и, следовательно, неизбежны большие или малые ошиб-

ки и просчеты в практической деятельности. Чтобы не допустить таких ошибок, необходимо серьезно поставить работу по теоретическому исследованию. В то же время необходимо преодолеть отрыв теоретической работы от практики.

Этот отрыв теории от практики сильно сказывается на издаваемых у нас работах. Недостаток подавляющего большинства из них состоял в том, что они носили описательный характер, не содержали теоретических обобщений, не говоря уже о том, что во многих из них вопросы решались догматически и начетнически, и они поэтому не имели действительного значения. Авторы большинства работ не исходили из глубокого анализа реальной действительности, а пытались подгонять факты под известные догмы».

Арзуманян недвусмысленно дал понять присутствующим, что в его Институте подобной «научной» методологии места нет и не будет. *«Наши экономисты, — заявил он, — призваны исследовать реальные процессы, протекающие в действительности, обобщать их и делать эти обобщения орудием познания действительности и изменения самой действительности...».*

Арзуманян затронул весьма деликатный вопрос о допустимости и роли политической пропаганды в научных исследованиях. Как истинного марксиста-ленинца, его совершенно не смущало присутствие в научном исследовании пропагандистского элемента. Более того, он считал пропаганду марксизма-ленинизма обязательной для любого публикуемого научного исследования. *«Иногда утверждают, — сказал он, — что недостаток наших работ заключается в их пропагандистском характере. Это не совсем верно. Всякая исследовательская работа должна пропагандировать марксистско-ленинские идеи. Беда в том, что начетничество и догматизм, имеющиеся в ряде работ, мешали им стать орудием действительной пропаганды».*

Арзуманян, правда, не попытался определить возможное соотношение пропаганды и собственно науки в монографиях и статьях. Между тем этот далеко не праздный вопрос имел первостепенное значение, так как «ахиллесовой пятой» практически всех советских научных публикаций в области мировой экономики и международных отношений (включая публикации ИМЭМО) всегда была пропагандистская составляющая, заметно снижавшая уровень даже наиболее интересных работ.

Пропагандистская деятельность с самого начала была заложена Арзуманяном в числе трех сформулированных им основных задач ИМЭМО. *«Институт, — подчеркнул он в своем первом выступлении перед сотрудниками, — должен: во-первых, давать правильный, научный анализ капиталистической действительности и показать взаимоотношения двух мировых систем — капиталистической и социалистической — для того, чтобы способствовать решению основной экономической задачи СССР¹; во-вторых, помогать со-*

¹ «Основная экономическая задача СССР» была сформулирована на XX съезде КПСС — в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. — П.Ч.

ветскому народу решать стоящие перед ним задачи, опираясь на действительный научный анализ тенденций экономического развития и политических явлений в капиталистическом мире; в-третьих, своими научными исследованиями помочь активной пропагандистской деятельности».

В явном противоречии с выдвинутым Арзумяном тезисом о сохранении пропагандистской направленности научных публикаций находилось его заявление о недопустимости искажения реальной картины современного капитализма.

«Мы допустили серьезную ошибку, — заявил он, — отрицая какое-либо развитие производительных сил в капиталистических странах, догматически, неправильно трактуя ленинский тезис о загнивании капитализма».

Это важнейшее положение, высказанное Арзумяном в 1956 г., на многие годы определит характер исследований в ИМЭМО современного капитализма, пусть и через призму теории его «общего кризиса».

Обосновывая концепцию мирного сосуществования двух систем, Арзумяна ориентировал своих сотрудников на выяснение истинных намерений Запада в отношении СССР.

«Задача коллектива ИМЭМО, задача научного исследования состоит в том, — говорил он, — чтобы тщательно следить, какие тенденции в области мировой политики будут брать верх — гонка вооружений, идея равновесия сил между двумя системами, политика сколачивания военных блоков, чреватая войной, или же будет побеждать политика мирного сосуществования, разоружения или сокращения вооружений, политика урегулирования нерешенных вопросов путем переговоров, политика установления прочного мира».

В заключительной части своего выступления Арзумяна остановился на вопросах организации научно-исследовательской работы в ИМЭМО.

«Для успешного решения сложных задач, стоящих перед ИМЭМО, нужны квалифицированные кадры, — заявил он. — Необходимо создать такие условия, которые дали бы возможность преодолеть существенные затруднения в области кадров. Это означает, что, во-первых, следует сосредоточить в Институте как можно больше способной молодежи, обучить и вырастить ее, смело поручать ей исследовать те или иные вопросы, делать научные доклады и т.д.; во-вторых, нужно сосредоточить в Институте старые кадры «мировиков», экономистов-международников; в-третьих, необходимо направлять в научные командировки на несколько месяцев в соответствующие страны сотрудников Института для детального изучения на месте экономики той или иной страны; в-четвертых, надо через аспирантуру готовить наиболее способных к научно-исследовательской работе товарищей, помочь им защитить диссертации. При этом аспирантура

должна быть превращена в действительно настоящую школу, чтобы люди, состоящие в ней, могли обрести подлинно глубокие знания.

Перед Дирекцией Института стоит задача правильной организации научно-исследовательской работы. От решения этого вопроса во многом зависит успех дела».

Организационные вопросы стояли в центре внимания Арзумяна с первых дней существования Института. Директор энергично «выбивал» из Президиума АН СССР и Министерства финансов СССР определенные правительством материальные средства для обеспечения жизнедеятельности ИМЭМО. В институтском архиве сохранилась переписка Арзумяна с Минфином по этому вопросу, свидетельствующая о настойчивости директора в отстаивании интересов Института.

Так, 3 января 1957 г. Арзумян направляет министру финансов А.Г. Звереву письмо, в котором обращает его внимание на недопустимое сокращение объема необходимого валютного финансирования Института для закупки иностранной литературы и периодики. ИМЭМО, сообщает Арзумян, просил в Президиуме АН СССР как минимум 72 тыс. инвалютных рублей на 1957 г., а получил только 25 тыс. *«Мы просим дополнительно ассигновать нам сумму в 45 тыс. инорублей как минимум, необходимый для организации нормальной работы Института»*, — писал Арзумян, добавляя, что Институт мирового хозяйства и мировой политики до войны получал валютные ассигнования на литературу в сумме 47 тыс. инорублей (в пересчете на цены 1956—1957 гг.)¹.

Минфин среагировал оперативно. Уже через неделю, 11 января, на имя Арзумяна было направлено письмо, подписанное заместителем министра финансов А. Посконовым. В нем говорилось: *«Министерство финансов СССР не вправе вносить какие-либо изменения в лимиты ассигнований на выпуск иностранной литературы, утвержденные Распоряжением Совета Министров СССР от 21/XI-1956 года»*².

Разумеется, Арзумян не мог удовлетвориться подобной отпиской. 18 января он обращается к министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову:

Дорогой Дмитрий Трофимович!

После беседы с Вами (30/XII-56 г.) я, по Вашей рекомендации, обратился к Министру финансов СССР тов. А.Г. Звереву с просьбой выделить Институту 45 тыс. инорублей (дополнительно к 25 тыс. выделенных Президиумом АН СССР), — сумму, которая может удовлетворить минимум потребностей Института в иностранной литературе. 12 января с/г я говорил с тов. А.Г. Зверевым и просил его решить положительно этот вопрос.

Однако 15 января с/г нами получена, за подписью Зам. министра финансов СССР тов. Посконова, формального порядка отписка со ссылкой на нео-

¹ Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

² Там же.

боснованность нашей просьбы, поскольку вопрос о размере ассигнований якобы является компетенцией только Президиума Академии наук СССР.

Мне кажется, что в Министерстве финансов наш вопрос решили не посоветовавшись с тов. Зверевым. Это мое предположение основывается на том, что ответ, полученный нами, из Министерства финансов, датирован 11 января, а 12 января я беседовал с тов. Зверевым и он не отказал нам в нашей просьбе, а обещал рассмотреть ее.

Еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой оказать содействие в положительном решении вопроса об ассигновании испрашиваемой нами суммы иновалюты, необходимой для налаживания нормальной работы Института¹.

Выбивание лимитов и дополнительных ассигнований было характернейшей особенностью функционирования советской экономической системы. Успех дела зависел от влияния и связей того или иного просителя.

В этом отношении чиновникам нелегко было иметь дело с Арзумяном, который открывал любые двери и делал даже невозможное, когда речь шла об интересах его детища — ИМЭМО. Правда, и ему не всегда удавалось решать тот или иной вопрос, особенно связанный с дополнительным финансированием.

Тем не менее стараниями Арзумяна началось комплектование институтской библиотеки и текущих досье отдела информации, составлявшихся из закрытых тассовских сводок и материалов советской и иностранной периодики.

Часть проблематики перешла в ИМЭМО «по наследству» из Института экономики. Другая ее часть формировалась уже в новом Институте. Каждый из созданных в ИМЭМО двенадцати секторов получил для разработки от одной до трех крупных научных тем, включенных в государственный план научно-исследовательской работы. Одновременно старшие научные сотрудники работали над собственными темами, готовя индивидуальные монографии. Эти монографии, а также коллективные работы утверждались на заседаниях Ученого совета Института. Здесь же обсуждались научные доклады ведущих ученых.

Так, в сентябре 1956 г. состоялся доклад академика Е.С. Варги, посвященный самой актуальной тогда проблеме — Суэцкому кризису. Были обсуждены экономические и политические аспекты этой проблемы, позиции различных государств, а в более широком плане — перспективы развития отношений между ведущими западными державами и странами, борющимися за свою независимость. Группа сотрудников сектора Британской империи представила на Ученый совет небольшую монографию «Суэцкий кризис и империалистическая агрессия против Египта»².

Оживленную дискуссию вызвало обсуждение на Ученом совете другой коллективной монографии, посвященной монополистическому капиталу США. Эта работа была подготовлена в секторе США.

¹ Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

² Мировая экономика и международные отношения (далее везде: МЭ и МО. — П.Ч.). 1957, № 1. С. 157.

В самом начале 1957 г. В.И. Каплан (Лан) сделал доклад о кампании 1956 г. по выборам президента США, связав это с анализом текущего состояния американской экономики.

С большим интересом был выслушан доклад И.М. Лемина «Экономическое и политическое положение Англии после Суэцкого кризиса». Докладчик обрисовал роль Англии в системе международных отношений, возможности проведения ею самостоятельной от США политики, степень ее влияния на доминионы и оставшиеся колонии, последствия участия Англии в Суэцкой военной операции.

Мечта каждого младшего научного сотрудника, кандидата наук состояла в том, чтобы стать старшим или хотя бы получить для разработки самостоятельную тему, а не выполнять годами роль ассистента при заведующем сектором или докторе наук. В те годы такой переход был нелегким, надо было показать конкретные результаты в виде двух монографий. Но в любом случае требовалось согласие администрации. Редкий «эмэнэс» мог похвастать тем, что его индивидуальная работа (монография) значится в институтском плане. И все-таки Арзуманян, как правило, шел навстречу молодежи. Можно привести один пример.

В личном фонде Арзуманяна в Архиве РАН сохранилась адресованная директору ИМЭМО докладная записка зав. сектором общих проблем империализма Л.А. Мендельсона, датированная 9 апреля 1960 г. Речь в ней идет о судьбе молодого талантливого экономиста С.М. Никитина, к тому времени уже автора двух монографий, брошюры и восьми статей, все еще ходившего в «эмэнэсах». Никитин уже собирался перейти из ИМЭМО на более высокую должность в НИИ Госплана, но Мендельсон уговорил его остаться, пообещав перевести в старшие научные сотрудники, а пока дал ему самостоятельную тему. Никитин отказался от своего намерения, но ученый секретарь Института К.И. Попов, как сообщал Мендельсон в докладной директору, *«в беседе с парторгом сектора заявил, что, по мнению дирекции, я неправильно поступил, поручив мл. научному сотруднику, кандидату наук самостоятельную тему»*. *«В итоге этого, — продолжал Мендельсон, — тов. Никитин сообщил мне сегодня, что он, не видя перспектив для самостоятельной работы в Институте, подал на конкурс на занятие должности старшего научного сотрудника в Институт Госплана»*.

Мне кажется, — резюмировал Мендельсон: — 1) что к решениям дирекции (а темы работ тов. Никитина и др. утверждены дирекцией) следует относиться уважительно и членам дирекции, что не было сделано тов. Поповым; 2) что необходимо принять меры к сохранению тов. Никитина в Институте, как одного из наиболее способных молодых научных работников, вполне подготовленных к самостоятельной работе по нужной для Института тематике (выделено мною. — П.Ч.)»¹.

Немедленное вмешательство Арзуманяна разрешило этот организационный вопрос в пользу молодого ученого. С.Н. Никитин остался в ИМЭМО, где

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 17–18.

в скором времени он станет одним из ведущих научных сотрудников, автором многочисленных фундаментальных трудов. Это был отнюдь не единичный случай внимательного отношения Арзумяна к научному росту талантливой молодежи.

Академик В.А. Мартынов, пришедший в ИМЭМО в 1957 г. молодым научным сотрудником, в связи с этим вспоминает, что в основу организации научной работы Института Арзумяна заложил два принципа-требования:

«во-первых, обязательность изучения зарубежной буржуазной литературы и статистики для всех, тогда сотен молодых ученых, принятых в Институт. Стоит заметить, что только в ИМЭМО всем без исключения научным сотрудникам разрешалось пользоваться литературой спецхрана, а тогда поступало в то время более половины всей иностранной литературы;

во-вторых, организация обсуждений и дискуссий в секторах и отделах Института с обязательным участием в них молодых ученых. Сам А.А. Арзумяна проводил практически еженедельно обсуждения тех или иных вопросов в узком кругу с приглашением и молодых специалистов. Так обычно готовились и материалы «наверх», и тезисы выступлений и докладов самого А.А. Арзумяна.

Все это дало свои плоды, — констатирует В.А. Мартынов, — уже в 50—60-е годы ученые ИМЭМО, в первую очередь, молодые, обогатили науку не одним десятком крупных исследований в области мировой экономики, социологии и международных отношений»¹.

ИМЭМО активно устанавливал международные контакты. В первой половине 1957 г. на Ученом совете выступили с докладами член Палаты общин Великобритании Кони Зиллиакус, депутат французского парламента, видный экономист Жак Пронто, немецкие экономисты-международники Ю. Кучинский и В. Агарц, финский ученый Е. фон Бунсдорф².

Начались и зарубежные поездки (пока еще редкие) сотрудников Института как в составе делегаций, так и индивидуальные. Первое время это было в диковинку, поэтому каждого командированного за границу провожали как на боевое задание в тыл врага, а по возвращении обязательно заслушивали на заседании сектора или Ученого совета. По окончании формального отчета коллеги обычно оставались в секторе за чашкой привезенного *отмуга* "EARL GREY", а то и за бутылкой "MARTINI" или "BORDEAUX", и тогда начинались оживленные расспросы о том, *как там...* Дамы, разумеется, интересовались тем, «что теперь следует носить». Наиболее благоразумные рассказчики, дорожившие заграничными командировками, избегали неумеренных отзывов о достоинствах «общества потребления», памятуя о возможном присутствии в комнате «всеслышащих ушей».

¹ В.А. Мартынов. Академик Анушаван Агафонович // Академики-экономисты России. Второе дополненное издание. М., 1999. С. 197.

² МЭ и МО, 1957, № 1. С. 158

Представители «органов» с самого начала не оставляли своим вниманием Институт; они там регулярно бывали и время от времени вызывали в отдел кадров, в спецчасть или в отдел международных связей нужных им людей «на исповедь» или для «профилактических» бесед. Наиболее распространенным средством наказания провинившихся (как правило, это были люди, позволявшие себе в той или иной форме говорить то, что думали) было лишение их права выезда за границу.

Первые «невыездные» появились в ИМЭМО еще при Арзуманяне. Среди них оказались и полностью реабилитированные вчерашние узники ГУЛАГа, которые, видимо, не пользовались доверием КГБ, и те, кто отказался сотрудничать с органами, и те, кого подозревали в нелояльности, и те, кто просто был «не воздержан на язык».

В ИМЭМО, как и в других академических учреждениях, существовала своя «выездная обойма» — группа проверенных научных сотрудников, которым и доверялись международные контакты Института. При этом многие ведущие ученые ИМЭМО по тем или иным причинам были лишены этой привилегии. В дальнейшем, с ужесточением в стране идеологической дисциплины, их число значительно выросло, превысив все мыслимые для института международные профили пределы.

Вплоть до 1988 г. не выпускали за границу (и прежде всего в Японию) крупнейшего япониста профессора Я.А. Певзнера. Впервые он попал туда на 75-м году жизни, да и то лишь на 10 дней. Никогда не бывал в США (как и в других странах Запада) крупный американист профессор В.И. Каплан (Лан). «Невыездным» был видный африканист д.э.н. Я.Я. Этингер. Не бывал на Ближнем и Среднем Востоке один из самых известных отечественных арабистов д.и.н. Г.И. Мирский, которому, как и Этингеру, милостиво разрешили выезжать только в социалистические страны¹.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

«В конце 57-го года Арзуманян получает приглашение в Англию на десять дней, сообщает мне, что берет меня с собой — как помощника и переводчика. Я на седьмом небе, документы уже оформлены — и тут осечка: на меня нет решения ЦК. Арзуманян озадачен, а я спрашиваю у сотрудника, занимающегося международными связями: «В чем дело, кто меня зарубил?» Он смотрит на меня угрюмо: «Кто, кто... С луны что ли свалился, не знаешь, кто?»

¹ В советской системе существовали две категории «невыездных»: к первой относились лица, которым был закрыт выезд на Запад, но разрешались поездки в социалистические страны; ко второй — особо проштрафившиеся, для кого были закрыты даже соцстраны. В принципе же человек, желавший побывать хотя бы туристом в одной из западных стран, должен был предварительно посетить Болгарию, ГДР или Польшу. То же относилось и к служебным командировкам. По каждому выезду за границу принималось соответствующее «решение ЦК», основанное на служебной характеристике выезжающего, завизированной райкомом КПСС (или ВЛКСМ) и райотделом КГБ. С большими трудностями проходили через сито выездных комиссий беспартийные, неженатые (незамужние) и разведенные лица.

Мирский сразу же понял, что это месть за отказ сотрудничать с КГБ, что было ему предложено годом ранее¹.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

«И вот год спустя меня не пускают в Англию. А затем в Египет. А затем в Индию. И так далее — на протяжении тридцати лет. Сколько приглашений я получил за это время — не помню, не считал. Каждый раз в последний момент мне сообщают: урезан состав делегации; или не успели оформить документы; или еще что-нибудь. Отлично знаю, что я понимаю, что они врут — ну и что? <...> Директор Арзуманян, — продолжает Мирский, — которому в конце концов надоело раз за разом подписывать мне блестящие характеристики, с которыми выездной отдел не считался, однажды отправился к заместителю заведующего международным отделом ЦК Беякову — специально, чтобы выяснить причины моих отказов. Беяков, из уважения к родственнику Микояна, обещал разобраться и попросил Арзуманяна прийти к нему еще раз через неделю. Во время второй встречи на столе перед Беяковым лежала пухлая папка — это было мое досье, затребованное им с Лубянки. Перелистывая его (но не показывая Арзуманяну), он сказал: «В общем-то дело не стоит выеденного яйца, одни разговоры. Но их много, придется с товарищами поработать». Но Арзуманян умер через два месяца, и все на этом закончилось»².

В целом же международные связи Института стали одним из надежных каналов получения достоверной информации о процессах, происходящих в зарубежных странах, в мировой экономике и политике.

Быстро разворачивалась в Институте оперативная работа по информационно-аналитическому обслуживанию «директивных инстанций». Эта работа, которой Арзуманян придавал особое значение, велась по двум каналам: подготовка соответствующих записок и издание под грифом «Для служебного пользования» «Информационного бюллетеня ИМЭМО».

Важное место в жизни Института занимала работа с творческой молодежью, которая составляла значительную часть коллектива ИМЭМО. Арзуманян постоянно возвращался к этой теме, призывая маститых ученых передавать свой опыт молодым специалистам. Впрочем, они это охотно делали и без всяких призывов.

Здесь можно привести свидетельство доктора экономических наук Маргариты Матвеевны Максимовой о том, как работали с молодежью ведущие спе-

¹ Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 161, 162–169.

² Там же. С. 169, 171–172. В досье, о котором пишет Г.И. Мирский, разумеется, не могло быть сведений о его несостоявшемся сотрудничестве с КГБ, который, как известно, в секреты своей профессиональной «кухни» не посвящал даже чиновников со Старой площади. Поэтому-то Беяков и не обнаружил в досье Мирского ничего, кроме доносов о его неосторожных высказываниях. Потому-то он и обнадежил Арзуманяна тем, что «поработает с товарищами» с Лубянки. — П.Ч.

циалисты ИМЭМО. Максимова пришла в сектор стран Западной Европы, руководимый в то время А.А. Кирсановым, а ее непосредственным шефом там стала крупный экономист-германист, доктор экономических наук Елизавета Леонидовна Хмельницкая.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Я училась у Хмельницкой буквально всему, хотя к тому времени и была уже кандидатом наук. Приведу один эпизод, свидетельствующий о том, как нас учили писать и редактировать научные тексты.

Мне нужно было уезжать в отпуск, и я быстро написала свою главу в коллективную работу по европейской интеграции; кажется, она называлась — «Проблемы Общего рынка». Это была большая глава объемом до четырех авторских листов. Я сдала ее Хмельницкой. Прочитав главу, она спросила у меня:

— Голубушка, вы когда хотите ехать в отпуск?

— Послезавтра, — ответила я.

— Нет, ничего не выйдет. Ваша глава сырая, на ней надо еще работать.

Если хотите, приходите ко мне, поработаем вместе.

Мне пришлось отложить мой отпуск с семьей на три дня. Все три дня подряд мы сидели с ней вместе в ее квартире. Там же обедали, пили чай и т.д.

На моих глазах она читала и тут же редактировала мой текст. Эти три дня остались в моей памяти на всю жизнь. Вот так надо было работать. Хотя до этого я никогда в жизни не испытывала затруднений в написании сочинений и каких-либо текстов. Я не знаю, учат ли так сейчас аспирантов.

На всю жизнь остались в памяти и наши совместные с Хмельницкой зарубежные поездки. В первый раз мы провели с ней в Западной Германии неделю. Это была одна из первых советских научных делегаций в ФРГ, которая посещала немецкие научные учреждения. Хмельницкая прекрасно, совершенно свободно, говорила по-немецки. В Германии, я это видела, к ней относились с огромным уважением. Для меня поездки с ней стали второй школой. Я училась, как надо отвечать на вопросы, как надо вести себя, как надо думать и т.д. Это был изумительный человек.

Хмельницкая научила меня еще одному. Хотя, признаюсь, в силу разных обстоятельств, я не всегда могла следовать ее примеру.

Ее принцип работы. Она приходила в Институт, как тогда было принято, три раза в неделю. Всякий раз, придя на работу, она сразу же брала в читальном зале свежие газеты и журналы — «Файнэншл таймс», «Франкфуртер Альгемайне», «Экономист», и, конечно же, — «Правду». И никто не мог ее трогать час-полтора, пока она не ознакомится с ежедневной прессой. Это было ее правило. Поэтому в любую минуту ее можно было пригласить на любую встречу с любым зарубежным общественным или научным деятелем. Она была в курсе всех событий. Более того, у нее уже вырабатывалась точка зрения на те или иные вопросы, которые мог-

ли стать предметом обсуждения. Это прекрасный пример, достойный подражания»¹.

Стиль работы Е.Л. Хмельницкой был типичным для ведущих ученых ИМЭМО. Ему следовали и молодые научные сотрудники.

Первая половина дня проходила за чтением свежей периодики, потом обеденный перерыв, сопровождавшийся обсуждением новостей в кругу коллег, затем возвращение в «спецхран» или в зал справочной литературы. Периодически в секторах устраивались доклады или обсуждения плановых работ. А один — два раза в месяц проводились заседания Ученого совета, где, помимо научных дискуссий, проходили защиты кандидатских и докторских диссертаций. Писать же многие предпочитали не в Институте, а в привычной домашней обстановке (разумеется, если дома были подходящие условия). Для этого у старших и младших научных сотрудников (с ученой степенью) были так называемые «библиотечные дни» — два—три дня в неделю².

«Как и в каждом академическом институте, — вспоминает С.А. Микоян о нравах первых лет существования ИМЭМО, — строгая «присутственная» дисциплина не считалась обязательной. Я имею в виду часы прихода и ухода и другие обычные требования. Я целиком оправдываю такой гибкий подход: творческая отдача ученого не зависит от количества часов, просиженных им на стуле в институте. Рачик Аваков мог каждый присутственный день опаздывать, но, если надо было, за субботу—воскресенье способен был написать важную записку в ЦК. Так же как и в выполнении плановых заданий. Некоторые вообще наиболее продуктивно работали дома, поскольку в Институте на лестницах, в коридорах и в столовой теряли массу времени, чтобы поздороваться и поговорить с другими сотрудниками. Да и в комнатах отделов не всегда грузный шумный разговор способствовал научной мысли»³.

В отношении «трудовой дисциплины» Арзуманян не был формалистом, но всякий раз искренне огорчался, не найдя нужного ему сотрудника в Институте, и тогда он поручал своему секретарю разыскать имярек по телефону и пригласить его срочно приехать.

Более энергичную борьбу с либеральными нравами, укоренившимися в ИМЭМО, поведет преемник Арзуманяна, Н.Н. Иноземцев. Однажды (по всей видимости, в «неприсутственный» день) в Институт приехал посол Фран-

¹ Хотя свидетельство Максимовой относится к началу 1961 г., тем не менее оно в полной мере может быть применимо и к более раннему периоду (запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.).

² Отсутствие необходимости ежедневного посещения Института объяснялось еще и тем, что свежая иностранная периодика из-за цензурных рогаток поступала в спецхран не ежедневно, а примерно два раза в неделю, что как раз и совпадало с «присутственными» днями.

³ Микоян С.А. Указ. соч. С. 32.

ции и не обнаружил там признаков жизни, чему искренне удивился. На следующий день появился гневный приказ директора, отменявший «библиотечные дни» для всех научных сотрудников, независимо от должности. Но, как это было заведено в советские времена, очередная кампания борьбы за трудовую дисциплину была не долгой и, как обычно, окончилась поражением администрации.

В действительности, академическая свобода ни в коей мере не снижала ни количественные, ни качественные показатели научных результатов. Если что и сказывалось на аналитическом уровне работы Института, то это прежде всего навязываемые сверху идеологические догматы, что неизбежно приводило к деформированному восприятию международно-экономических и политических реалий, о чем еще неоднократно будет сказано.

Первые результаты

Когда в начале 1957 г. Президиум АН СССР составлял отчет о работе Академии в истекшем году, в него вошли и сведения о первых результатах деятельности ИМЭМО. В утвержденном 22 февраля 1957 г. Общим собранием АН СССР отчете, направленном на имя кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, в частности, говорилось:

«Научно-исследовательская работа в Институте мировой экономики и международных отношений началась в IV квартале 1956 г. над 31 темой государственного плана, включающей изучение основных вопросов экономики и политики капиталистических стран. За это время Институт представил в различные директивные органы 26 научных информационных сообщений, среди которых следует указать: «Экономическое положение Бельгии и ее рабочего класса», «Кейнсианство в последних программных документах лейбористской партии», «О послевоенных реформистских экономических теориях», «Военные расходы главных капиталистических государств и стран НАТО в целом», «Экономические противоречия между главными капиталистическими странами»¹.

С первых дней своего существования ИМЭМО, благодаря энергичному директору, установил самые тесные рабочие контакты с Министерством иностранных дел СССР, куда из Института направлялась добрая половина информационно-аналитических записок. Значительная часть этих записок готовилась в отделе информации ИМЭМО, руководимом Василием Григорьевичем Солодовниковым.

Сын крестьянина-середняка, родившийся в 1918 г., он начинал трудовую деятельность трактористом в колхозе «Сталинец» Самарской (Куйбышев-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — П.Ч.). Ф. 5. Оп. 30. Д. 180. Л. 77об.

ской) области. Затем учеба на механическом факультете в Куйбышевском индустриальном институте, где его оставят ассистентом. С 1943 по 1946 г. Солодовников — слушатель Академии внешней торговли МВТ СССР. По окончании учебы он три года работает в МВТ, а в 1949-м переходит в Институт экономики АН СССР, где защищает кандидатскую диссертацию и в 1952 г. становится ученым секретарем. Арзумян берет его с собой в ИМЭМО и назначает заведующим отделом информации, где Солодовников проявит себя с самой лучшей стороны. В 1958 г. Арзумян делает его своим третьим заместителем. На этом посту Солодовников проработает до 1961 г., когда будет приглашен на работу в МИД СССР и направлен в Нью-Йорк в Секретариат ООН. В 1963—1964 гг. он — Заместитель Постоянного представителя СССР при ООН. В 1964 г. Солодовников возвращается в Москву и назначается директором только что созданного Института Африки АН СССР. В 1966 г. он защищает докторскую диссертацию и в том же году избирается членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. Институт Африки Солодовников возглавлял до июня 1976 г., когда его вновь призвали в МИД и отправили в Замбию в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. В 1981—1983 гг. он — главный советник Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР. Оставив дипломатическую службу в ноябре 1983 г., В.Г. Солодовников вернулся в ИМЭМО, где проработал в должности главного научного сотрудника до ноября 1993 г.

Пример В.С. Солодовникова — далеко не единичный случай тесного кадрового взаимодействия ИМЭМО и МИДа. Целый ряд научных работников ИМЭМО станут сотрудниками МИД СССР, и, наоборот, бывшие дипломаты займутся научной работой в Институте.

МИД СССР нередко обращался к директору ИМЭМО с просьбами временно откомандировать в его распоряжение специалистов по тем или иным вопросам мировой экономики. Можно привести в связи с этим одно из писем Арзумяна, направленное им 1 января 1957 г. на имя заместителя министра иностранных дел СССР А.В. Захарова. В нем говорилось:

«В связи с Вашей просьбой о выделении кандидатур экспертов в состав советских делегаций на сессиях региональных экономических комиссий ООН, сообщаю, что ИМЭМО АН СССР рекомендует назначить экспертом на сессию ЕЭК¹ старшего научного сотрудника, кандидата экономических наук тов. Котковского Яна Яновича и на сессию ЭКАДВ² — заведующего сектором стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока Института, кандидата экономических наук тов. Поляка Александра Алексеевича»³.

¹ ЕЭК — Европейская экономическая комиссия ООН. Другое ее название — Экономическая комиссия ООН для Европы (ЭКЕ). — П.Ч.

² ЭКАДВ — Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока. — П.Ч.

³ Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам // Архив ИМЭМО РАН.

В том же, 1957 г., зав. сектором конъюнктуры ИМЭМО Ашик Аветович Манукян был по просьбе МИДа включен в состав советской делегации (в качестве ее полноправного члена) на XXIV сессию ЭКОСОС¹, проходившую в Женеве. А ученый секретарь ИМЭМО И.С. Глаголев в сентябре—ноябре 1957 г. был прикомандирован к Миссии СССР в ООН для работы по теме «Милитаризация экономики США». Командировка Глаголева в Нью-Йорк оплачивалась из валютных средств ИМЭМО.

Спустя полгода после первого собрания сотрудников ИМЭМО, состоявшегося в начале ноября 1956 г., Арзумян решил провести еще одну «инвентаризацию» положения дел в Институте. На этот раз он воспользовался партийным собранием, которое продолжалось в два приема — 16 и 23 мая 1957 г. В своем докладе директор сделал упор на недостатках и упущениях, вскрывшихся в организации работы Института за первый год его существования.

Из доклада А.А. Арзумяна 16 мая 1957 г.:

<...> Как всякое вновь возникающее научно-исследовательское учреждение, Институт натолкнулся на серьезные трудности. С одной стороны, это трудности, касающиеся материальной базы. Как это ни странно, но Институт не получил никаких средств на оборудование. Я не знаю, что было бы с нами, если в здании не были бы оставлены старые столы и стулья ушедшего из него министерства. Институт нуждается во всем, но не видно, какие же средства получит. Причем не выполняются прямые решения директивных органов. Достаточно взять пример с выпиской иностранной литературы. В прошлом году Институт экономики, в котором имелся отдел современного капитализма, получал 20 000 рублей для выписки иностранной литературы, а в этом году ему оставили ту же сумму. Новому же Институту дали 25 000 рублей вместо затребованной минимальной суммы 72 000 рублей. Всем известно, что Институт не может вести работу без получения соответствующей литературы. Ведь не будут же из пальца высасывать факты. Что сказали бы, если бы предприятию дали бы фонд заработной платы рабочих и не дали бы сырья, энергии, станков? А у нас считается в порядке вещей тратить миллионы рублей на оплату научных работников и отказаться тратить два—три десятка тысяч рублей, чтобы снабдить научных работников необходимыми справочниками, литературой и т.д.

А Президиум АН СССР считает в порядке вещей такое ненормальное положение. Говорят, что нам прибавили после наших жалоб 5 000 рублей. Я не знаю, как же завтра т. Островитянов будет требовать качественных работ, если не выписываются даже важнейшие газеты, не говоря уже о том, что почти ничего не осталось на выписку иностранной литературы.

¹ЭКОСОС — Экономический и социальный совет ООН, один из главных органов ООН, который, наряду с Генеральной Ассамблеей и под ее руководством несет ответственность за выполнение функций ООН в экономической и социальной сферах. — П.Ч.

Другие трудности создаются в отношении комплектования кадров. В настоящее время не замещены вакансии около 40 научных сотрудников, главным образом работников высокой квалификации — зав. секторами, докторов наук, старших научных сотрудников. Сказывается то, что людей высокой квалификации в этой области не готовили. Дирекция взяла курс на привлечение молодежи. Даже среди младших научных сотрудников дирекция привлекла два десятка молодых товарищей, закончивших аспирантуру... Надежда, конечно, в значительной степени на молодежь¹. <...>

Одной из важнейших тем исследований в своем Институте Арзуманян считал проблему экономического цикла в развитии капитализма. Здесь, как и в других направлениях, он призывал к отказу от заскорузлого догматизма, к поиску новых подходов.

«У нас имеется отставание в разработке проблем экономического цикла и кризиса, — заявил на собрании Арзуманян. — Нечего говорить, что ряд наших прогнозов не сбылись. В чем дело? Ведь в 20-х гг. давались безошибочные прогнозы. А уже после кризиса 1929—1933 гг. не всегда анализ вскрывал правильную картину. В особенности ошибки стали наглядны в послевоенный период. Лично мне кажется, — заметил Арзуманян, — что уже в анализе кризиса 1929—1933 гг. не было до конца вскрыто влияние новых явлений монополистического капитализма в период общего кризиса. В послевоенный период не дали серьезного анализа влияния государственного монополистического капитализма и милитаризации на циклы и кризисы. У нас была одна неудачная попытка; я имею в виду анализ Каца. Но эта работа была немарксистская, ибо автор встал на позицию суженного воспроизводства»².

Присутствующим не надо было разъяснять, что неудача А.И. Каца, работавшего, кстати, и в ИМХМП, и в Институте экономики, и в ИМЭМО, вытекала из послушного следования автора сталинской концепции загнивания капитализма, обреченного на «суженное воспроизводство». Арзуманян, разумеется, не разделял эту несостоятельную концепцию.

В своем докладе он четко высказался в пользу проблемно-регионального подхода в организации научных исследований в Институте.

«В прошлом опыт показал, — говорил он, — что организация секторов только по принципу страноведения порождает эмпиризм в научном исследовании, а построение секторов по принципу исследования синтетических проблем вело зачастую к схоластике. В настоящее время мы сочетаем и тот и другой принцип. Огни сектора занимаются синтетическими проблемами, а другие — отдельными странами. Конечно, одна организационная структура сама по себе не гарантирует от схоластики и эмпиризма.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 6—7

² Там же. Л. 18.

Но все-таки данная организационная структура способствует преодолению эмпиризма и схоластики в научных исследованиях. Для этого требуется координация работ. Однако последняя весьма слабо организована»¹.

Арзуманян предложил создать в Институте, помимо секторов, координационные и проблемные группы.

«В настоящее время можно сказать, — продолжал директор, — что организационный период Института позади. В Институте созданы 12 секторов, из которых, за исключением сектора Латинской Америки, остальные уже живут полнокровной жизнью. Создана научная библиотека. Решены в основном проблема валюты и получения литературы. Мы получили 70 тыс. руб. валюты и в настоящее время имеем возможность выслать деньги и получить книги непосредственно из Женевы и Вашингтона. В ближайшем будущем такая возможность будет и в Лондоне². Необходимо только, чтобы сумма предоставленных нам средств не снизилась в будущем году. <...>

Самым слабым и уязвимым местом в нашей научно-исследовательской работе является участок изучения международных отношений. Мы не могли сколотить коллектив. Две проблемы, которые выдвинуты, сами по себе интересны. Первая из них — это империалистические блоки. Проблему возглавляет Л.Н. Иванов. В его квалификации нельзя сомневаться. Но болезнь подкосила его. Работа так и не заладилась³. <...>

Другая проблема — коллективная безопасность. Тут не удалось сплотить коллектив. Во многих секторах работники почти сплошь новые. Я это говорю к тому, чтобы люди терпимо относились друг к другу, критиковали, но не грызлись, помогали друг другу. <...>

Какие предложения? Дать в этом году международно-политический ежегодник. Это ударная задача. Обеспечить Институту монографии о внешней политике каждой из главных капиталистических стран. Обратить серьезное внимание на подготовку работ по империалистическим блокам. Подготовиться к тому, чтобы приступить с будущего года к многолетнему труду по международным отношениям после второй мировой войны. Сектор должен живо реагировать на международные события и обеспечить информацию»⁴.

Неблагополучное положение с изучением проблематики международных отношений, о чем говорил Арзуманян, было связано с отсутствием в течение года заведующего сектором международных отношений. Арзуманян с самого начала пригласил на эту должность хорошо знакомого ему 35-летнего кандида-

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

² А.А. Арзуманян договорился о закупке необходимой Институту литературы с советскими посольствами в Швейцарии, США и Великобритании. — П.Ч.

³ Тяжело больной академик Л.Н. Иванов умер в том же, 1957 г. — П.Ч.

⁴ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 24, 39 — 41.

та исторических наук Николая Николаевича Иноземцева, но тот, по направлению ЦК КПСС, с сентября 1955 г. работал в КНР, где преподавал новейшую историю в Пекинском дипломатическом институте. Арзуманяну стоило больших усилий в марте 1957 г. «вытащить» Иноземцева из Пекина в Москву. Именно Иноземцев предложил Арзуманяну начать работу над трехтомником по истории международных отношений после Второй мировой войны и наладить издание международно-политического ежегодника, где подводились бы итоги мирового экономического и политического развития за каждый истекший год.

Первый выпуск этого научно-справочного издания под редакцией Н.Н. Иноземцева вышел в свет в 1958 г. 25-тысячным тиражом. «Цель этого издания, — отмечалось в предисловии, — освещение основных тенденций и важнейших событий в мировой политике и экономике за год. Проблемные монографические статьи, посвященные различным аспектам современного международного развития, сочетаются в Ежегоднике со статьями, анализирующими экономику, внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств, и с обзорно-справочным материалом о ряде районов земного шара, о деятельности политических, экономических, военных и иных международных организаций. Постоянными разделами Ежегодника являются статистические таблицы основных экономических показателей и хроника международно-политических событий»¹.

Среди авторов первого выпуска ежегодника — Л.А. Леонтьев, Я.З. Виктор, Т.Т. Тимофеев, Г.Е. Скоров, Я.Я. Котковский, А.Н. Пучков, В.И. Лан, Н.Н. Кучинский, Н.Н. Молчанов, М.С. Восленский, Е.А. Амбарцумов, Д.В. Петров, В.В. Журкин, Г.И. Мирский, В.М. Хайцман, М.А. Мильштейн, А.К. Слободенко, Г.И. Морозов, Б.М. Халоша, Е.И. Селезнева и др.

С 1960 г. Ежегодник редактировал В.В. Размеров, а затем — Н.А. Ковальский, С.М. Нестеров, В.Я. Аболтин и О.Н. Быков². Многие годы на посту заместителя главного редактора Ежегодника трудился д.и.н. Л.А. Зак, на котором лежала основная тяжесть подготовки его ежегодных выпусков. С 1972 г. выходило совместное с ГДР издание Ежегодника на русском и немецком языках. Оно прекратилось с исчезновением ГДР как самостоятельного государства.

Ежегодник ИМЭМО очень скоро стал незаменимым научно-справочным изданием для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для армии лекторов-международников Всесоюзного общества «Знание».

Сектора Института жили напряженной, насыщенной жизнью. На заседаниях обсуждались текущие вопросы экономики и политики зарубежных

¹ Международный политико-экономический ежегодник 1958 год / Гл. ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1958. С. 5. Состав редколлегии первого выпуска Ежегодника: А.М. Александров, А.А. Арзуманян, Я.З. Виктор, Л.Н. Кутаков, Д.Е. Мельников, Г.И. Морозов (редактор тома), В.Г. Солодовников, Д.Г. Томашевский, В.М. Хвостов, В.М. Шамберг.

² Дважды Ежегодник менял свое название: Международный ежегодник. Политика и экономика; Год Планеты. Политика, экономика, бизнес, банки, образование.

стран. Вопросы более общего характера выносились на институтские обсуждения. Так, в июле 1957 г. состоялась дискуссия по докладу А.А. Манукяна, посвященному экономическому положению капиталистических стран в 1956 г. и в начале 1957 г. Тогда же прошло обсуждение доклада Я.А. Певзнера об экономическом и политическом положении современной Японии.

Важным событием в научной жизни ИМЭМО, ставшим отправной точкой в разворачивании исследований по европейской интеграции, было состоявшееся в апреле 1957 г. в Институте обсуждение Римских договоров об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома), заключенных шестью государствами Западной Европы (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) 25 марта того же года.

Значение этого исторического события сразу же было в должной мере оценено учеными ИМЭМО, предпринявшими попытку осмыслить стартовавший в Риме процесс европейского строительства¹. По воспоминаниям некоторых участников проходившего в Институте обсуждения, в оценке Римских договоров преобладали политико-идеологические соображения, по большей части не отвечавшие истинному положению дел. Акцент в дискуссии был сделан на антисоветской природе и направленности интеграционного процесса, управляемого якобы из Вашингтона. В лучшем случае речь шла о «сговоре монополий», «неравномерности развития западноевропейского капитализма» и «межимпериалистических противоречиях». Никто тогда всерьез не верил в возможность реализации провозглашенных в Римских договорах целей — взаимное снижение таможенных пошлин с перспективой их полной отмены, открытие границ, выравнивание экономических уровней и социального обеспечения в странах ЕЭС, создание единой валюты и т.д. Единственный, кто позволил себе пойти против мнения большинства в оценке перспектив Общего рынка, был академик Е.С. Варга.

Вот что вспоминает об этом С.А. Микоян:

«Помню прекрасно, как... обсуждался вопрос об Общем рынке в Европе. Большинство выступавших так или иначе исходило из слов Ленина, написавшего в 1916 году, что Соединенные Штаты Европы или невозможны или реакционны. Мне всегда казалось, что фраза плохо звучит с точки зрения русского языка. Смысл же был ясен. Проект Общего рынка для Европы надо было критиковать или объявлять нереальным, неосуществимым. И вдруг взял слово член Ученого совета Варга. Он говорил, прохаживаясь за столом президиума. «А что собственно особенного в ликвидации таможенных границ в Европе? Это уже было. Да и не только таможенных. Помнится, до 1-й мировой

¹ Истоки европейского интеграционного процесса уходят в первые послевоенные годы, когда государства Западной Европы взяли курс на тесное сближение в перспективе слияния их экономических потенциалов в единый блок. Непосредственным предшественником ЕЭС стало Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), созданное в апреле 1951 г. теми же шестью государствами, которые позднее заключат Римские соглашения об учреждении ЕЭС и Евратома.

войны я ехал поездом из Будапешта в Париж через Германию, Бельгию. Нигде на трех границах меня не беспокоили ни таможенники, ни пограничники. Почему бы к этому не вернуться? Очень может быть, что и вернуться».

Варга был достоянием истории, ее частью, на удивление живой и мудрый. Он мог говорить все, что хотел. Его слова приняли за чудачество. Как это можно вернуться к тем нравам? Наши ученые всерьез не верили. Так, по крайней мере, казалось»¹.

Итоги состоявшейся дискуссии были сформулированы в Тезисах ИМЭМО «О создании «Общего рынка» и Евратома», опубликованных в журнале «МЭ и МО»².

Из тезисов ИМЭМО (1957 г.):

<...> Образование международных монополистических союзов — одна из характерных отличительных черт империализма. Эти союзы имеют определенные экономические цели: совместная борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала; передел мира; отстаивание общих классовых интересов эксплуататоров; защита капитала не знающего отечества.

<...> В основе проектов «общего рынка» и других совместных операций монополистов шести западноевропейских стран лежит стремление сплотить силы империализма для борьбы против социализма, против национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран, укрепить при помощи международных государственно-монополистических объединений позиции капитализма.

<...> Проекты «общего рынка» и Евратома намечено проводить в жизнь в рамках военно-политических Североатлантического блока и Западноевропейского союза, в которые входят все участники римских соглашений. Военный аспект этих проектов... очевиден.

*<...> Общий рынок, Евратом и Еврафрика **реакционны** (выделено в тексте. — П.Ч.) в своей основе, и если они будут в той или иной мере реализованы, это неизбежно приведет к далеко идущим отрицательным последствиям для народов шести стран «малой Европы», для национальных интересов этих стран, для международного экономического сотрудничества и международной безопасности. <...>».*

Такова была общая оценка начавшегося в западной части Европейского континента интеграционного процесса, в развернутом виде представленная в тезисах ИМЭМО. Как видим, эта оценка была исключительно отрицательной и не может быть записана в число научных достижений ИМЭМО. Некото-

¹ Микоян С.А. ИМЭМО в моей жизни (сугубо личные и, быть может, слишком откровенные воспоминания). Неопубликованная рукопись. С. 9–10.

² МЭ и МО, 1957, № 1. С. 83-96. Тезисы ИМЭМО, и это было очень важно, были опубликованы и на страницах «Правды».

рым оправданием для ученых ИМЭМО мог бы, наверное, послужить тот факт, что весной 1957 г. они могли анализировать не сам процесс интеграции, а лишь «декларацию о намерениях» в виде Римских договоров. Тем не менее в 1957 г. Институт впервые обозначил феномен европейской интеграции как реальную проблему мировой экономики и политики, требующую изучения, и это, пожалуй, главное.

По всей видимости, тезисы 1957 г. не вполне устраивали и самого Арзуманяна, инициировавшего их составление. Он не мог не видеть, что сформулированные в них категоричные оценки начинают расходиться с развитием событий. 1 января 1958 г. договор о создании ЕЭС вступил в силу и начал реализовываться в практической политике шести подписавших его стран.

По инициативе Арзуманяна весной 1959 г. ИМЭМО совместно с редакцией журнала «МЭ и МО» организует научную конференцию на тему «Общий рынок» и его роль в экономике и политике современного империализма», участники которой пытаются осмыслить начавшийся процесс европейской интеграции¹.

А в октябре 1959 г. Арзуманян публикует статью под названием «Социально-экономические и политические причины «интеграции» в Западной Европе», в которой делает ряд важных признаний. «В марксистской литературе, — пишет он, были попытки объяснить появление «Общего рынка» различного рода частными причинами. Говорилось, например, о том, что речь идет лишь об осуществлении внешнеполитических планов Соединенных Штатов Америки или замыслов Западной Германии. Конечно, создание «Общего рынка» способствует политике США. Верно и то, что «Общий рынок» занимает важное место в планах Западной Германии. **Однако было бы неправильно рассматривать «Общий рынок» только как результат внешнеполитических акций США или ФРГ или обоих вместе. Подобное освещение, на наш взгляд, односторонне** (выделено мною. — П.Ч.)»².

Но самое главное — Арзуманян делает первый шаг к признанию объективного характера европейской интеграции, отказавшись, по сути, рассматривать ее исключительно как проявление чьей-то «злой воли». Теперь он уже пишет о «важных объективных предпосылках экономической «интеграции» шести стран «малой Европы»; о том, что «неверно было бы игнорировать «общий рынок» и другие конкретные проявления «интеграции» Западной Европы»; наконец, о том, что «европейская «интеграция» представляет собой реальный фактор, с которым нельзя не считаться»³.

¹ Материалы этой конференции были опубликованы в № 7–9 журнала МЭ и МО за 1959 г.

² Там же. 1959, № 10. С. 37–38.

³ Там же. С. 37–38, 40, 48. По всей видимости, статья А.А. Арзуманяна стала результатом его участия в конференции в ИМЭМО и в обмене мнениями по проблемам европейской интеграции, состоявшемся в июле 1959 г. в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Ее результаты опубликованы в книге: «Общий рынок» и рабочий класс / Под ред. А.М. Румянцева. М., 1960.

Разумеется, такие признания нелегко дались убежденному марксисту-ленинцу Арзумяну, который в той же статье оговаривает их целым набором привычных идеологических формул, обличающих «происки империалистов», но в данном случае важно подчеркнуть его способность к трезвому восприятию действительности. Этого же он всегда требовал и от своих сотрудников.

Спустя три года ИМЭМО подготовил новые тезисы — «Об империалистической «интеграции» в Западной Европе («Общий рынок»), — в которых был обобщен более чем трехлетний опыт европейского строительства¹.

За четыре истекших года, как отмечалось в этом документе, «шестерка» провела ряд мер по осуществлению Римского договора: были снижены таможенные пошлины во взаимной торговле — до 50% на промышленные товары и на 30—35% на продукцию сельского хозяйства; предприняты шаги к установлению единого внешнего тарифа на товары, ввозимые из стран, не входящих в Общий рынок; идет разработка совместной линии во внешней торговле с этими странами; отменены количественные ограничения импорта промышленных товаров; ослаблены валютные ограничения; введена частичная обратимость валют; облегчены условия движения капитала внутри Общего рынка.

Все эти, казалось бы, очевидные вещи в значительной степени были открытием для советского читателя, совершенно дезориентированного пропагандой, сообщавшей лишь о «неразрешимых противоречиях» внутри «шестерки» и об «обреченности» планов «империалистической интеграции».

Из тезисов ИМЭМО можно было узнать о предполагавшемся в ближайшие годы снижении таможенных пошлин во взаимной торговле на промышленные товары еще на 30% от исходного уровня и о полной их отмене в 1969 г. Поистине, сбывалось не воспринятое всерьез полушутливое пророчество академика Е.С. Варги, высказанное им на Ученом совете ИМЭМО весной 1957 г. Можно было узнать также, что в ЕЭС предусмотрены согласованные меры по облегчению передвижения рабочей силы, по регулированию сельского хозяйства и транспорта, по унификации социального и налогового законодательства. В тезисах сообщалось и о том, что промышленное производство стран «Общего рынка» выросло с 1957 по 1961 г. на 30%, а объем экспорта — на 50%. Темпы роста промышленного производства интегрируемой Европы были в 1,5—2 раза выше, чем в капиталистическом мире в целом.

«Более быстрые по сравнению с американскими темпы экономического развития стран «Общего рынка» привели к росту их доли в мировом капиталистическом производстве, международной торговле и золотых запасах, — констатировали составители тезисов. — Впервые в послевоенные годы стала **вырисовываться возможность создания западноевропейского империалистического «центра силы», равного или близкого к Соединенным Штатам по своим людским и материальным ресурсам, объему промышленного производства, внешней торговле** (здесь и далее выделено мною. — П.Ч.). ФРГ, Франция и в известной мере Италия стали претендовать на большую роль

¹ Тезисы ИМЭМО были опубликованы в Приложении к № 9 журнала МЭ и МО за 1962 г.

в выработке «глобальной» политики НАТО... В этих условиях **«интеграция» сопровождается обострением отношений западноевропейских государств и США».**

Все это шло вразрез с пропагандистскими заклинаниями советской печати о провале «империалистической затеи» с «Общим рынком», а также с утверждениями о существовании единого империалистического лагеря, послушно марширующего по команде Вашингтона. По понятным идеологическим причинам, содержавшаяся в тезисах констатация реального положения дел в строительстве Европы сопровождалась соответствующими оценками этого процесса с «классовых, марксистских» позиций. И все же главный вывод гласил как окончательный приговор: «Общий рынок» «стал экономической и политической реальностью», с которой впредь надо было считаться¹.

Тезисы 1962 г., по справедливому замечанию одного из авторитетных специалистов в изучении европейской интеграции, «в значительной мере определили характер дальнейших исследований в этой области»². В последующем в ИМЭМО развернется интенсивное изучение «западноевропейского центра силы», а руководство Института, по мере поступательного развития европейского интеграционного процесса, будет упорно внушать «директивным инстанциям» мысль о необходимости официального признания ЕЭС Советским Союзом.

Но вернемся к событиям второй половины 50-х годов.

В связи с начавшимся в середине 50-х годов распадом колониальной системы все более важное место в работе ИМЭМО стало занимать изучение проблем национально-освободительного движения и становления новых независимых государств. Главный в то время вопрос: какое место займут эти государства в «борьбе двух систем»? Пойдут ли они в фарватере «империализма» или станут союзником и резервом «мирового социализма»?

Арзумян и его сотрудники полагали, что во многом это зависело от способности советского руководства пересмотреть прежние идеологические стереотипы в оценке национальной буржуазии и роли крестьянства в национально-освободительном движении. В ИМЭМО пришли к выводу, что новые реальности обнаружили несостоятельность прежнего, одностороннего курса времен Коминтерна на союз с практически не существовавшим в колониальных и зависимых странах рабочим классом и его «авангардом» в лице оплачиваемых из бюджета СССР коммунистических партий. «В прошлом, — говорил Арзумян на собрании в Институте в августе 1960 г., — мы совершили в трактовке национально-колониальной проблемы ряд ошибок. Я думаю, что речь идет не о том, что мы недооценили роль национальной буржуазии в борьбе против империализма, — это было бы еще полбеды; мне кажется, что мы недооценили силу социалистической системы в оказании воздействия на колониальный мир в его борьбе против империализма. Мы также недооце-

¹ Тезисы ИМЭМО были опубликованы в Приложении к № 9 журнала МЭ и МО за 1962 г.

² Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1983. С. 5.

нили влияния социалистической революции и социалистической системы на национально-освободительное движение, на изменение характера этого движения, которое, даже при условии сохранения буржуазии у руководства, могло превратиться в серьезную силу подрыва господства империализма и завоевания национальной независимости. Таким образом, — резюмировал Арzumян, — главный недостаток наших исследований в этом вопросе сказался в недооценке влияния социализма на сущность, на характер и революционные возможности национально-освободительной борьбы в колониальном мире»¹.

Какие же уроки предлагал извлечь из всего этого Арzumян?

«Коллектив нашего Института, — говорил он 31 августа 1960 г., — должен преодолеть этот недостаток в научном исследовании. Нам необходимо понять, что слаборазвитые страны в настоящее время оказались в совершенно новых условиях, когда они, во-первых, могут получить от социалистической системы необходимые средства оборудования, без того, чтобы идти на поклон к империалистам; во-вторых, в решающие минуты борьбы за свою независимость они могут опереться не только на политическую и моральную поддержку социалистической системы, но и могут получить от социалистической системы оружие и защитить свою независимость; в-третьих, чем дальше, тем больше они могут устанавливать связь с социалистической экономикой по линии международного разделения труда и совсем освободиться от экономической зависимости со стороны империалистических государств, как в области продажи сырья, так и в области импорта промышленных товаров.

К сожалению, у нас нет глубоких исследований по этим странам под углом зрения указанных выше тенденций развития. В свое время незнание этого вопроса привело к тому, что под флагом критики гандизма наши товарищи проглядели народное, я бы сказал, крестьянское движение в Индии за независимость своей страны. Мы объявили Ганди ставленником английского империализма и не видели, что за ним следуют широчайшие крестьянские массы, интеллигенция, народные массы, которые при определенных условиях могли и превратились в реальную силу, заставившую английских колонизаторов убраться из Индии»².

Тогда же Арzumян впервые подходит к идее о возможности «некапиталистического пути развития» для молодых освободившихся государств.

«Ленин поставил вопрос о некапиталистическом пути развития колоний, — сказал Арzumян. — Теоретическая правильность этого положения не подлежит сомнению; такая возможность не исключена. Но когда речь идет о стране, то надо изучать те конкретные условия, те экономические

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 31–32.

² Там же. Л. 32–33.

силы, которые сложились там, ту расстановку классов и партий, которая имеет место»¹.

Идея некапиталистического пути развития уже в 60-е годы будет развита и теоретически оформлена в работах В.Л. Тягуненко, к чему мы еще вернемся.

С конца 50-х годов в Институте, наряду с традиционным изучением рабочего движения, зарождается перспективное направление исследований средних слоев, крупного и мелкого крестьянства в ведущих странах Запада.

ИМЭМО год от года наращивал выпуск печатной продукции. Если в 1957 г. под грифом Института было опубликовано 4 монографии, то в 1958-м — уже 17, в 1959-м — 21, а в 1960 г. — 23².

С 1958 г., наряду с секторами, в ИМЭМО стали создаваться межсекторские исследовательские группы. Первой была создана группа по вопросам разоружения, затем — группа по изучению проблем финансов, кредита и денежного обращения капиталистических стран. Характерно, что в заседаниях этой группы принимали участие не только сотрудники ИМЭМО, но и представители заинтересованных государственных учреждений — НИИ Минфина СССР, Правления Госбанка СССР, Госкомитета СССР по экономическим связям с зарубежными странами, Конъюнктурного института МВТ СССР и др.³

Следует сказать, что Арзуманяну сразу же удалось наладить тесное взаимодействие академической науки в лице ИМЭМО с соответствующими министерствами и ведомствами, которые не были лишь пассивными получателями той или иной информации из Института; зачастую их представители принимали участие в институтских обсуждениях и других мероприятиях.

И все же именно записки, направляемые в адрес ЦК КПСС, СМ СССР, Президиума Верховного Совета СССР, МИДа, министерства внешней торговли, других министерств и госкомитетов, составляли основное содержание «невидимой» деятельности ИМЭМО. Так, в 1959 г. из Института «ушли наверх» 46 информационно-аналитических записок. Среди них — «О положении в экономических группировках стран Западной Европы» (13 машинописных страниц, автор — К.И. Попов, адресат — А.И. Микоян); «Экономическая сторона деятельности НАТО» (11 страниц, автор — Б.М. Халоша⁴, адресат — МИД СССР); «Добыча нефти американскими монополиями за пределами США» (16 страниц, адресат — Президиум Верховного Совета СССР); «Консервативная партия Великобритании перед всеобщими парламентскими

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 33.

² Там же. Л. 25.

³ МЭ и МО, 1959, № 7. С. 152.

⁴ В этой записке впервые был поставлен вопрос о том, что деятельность НАТО не сводится только к военно-политическим мероприятиям, направленным против СССР и его союзников в Восточной Европе. Первым из советских международников Б.М. Халоша обратил внимание руководства МИД СССР на невоенные аспекты в деятельности Североатлантического блока. Б.М. Халоша стал основателем целого направления в изучении деятельности НАТО. Им написано множество серьезных работ по «натовской» проблематике. — П.Ч.

выборами» (44 страницы., автор — Н.Н. Кучинский, адресат — Б.Н. Пономарев, ЦК КПСС); «Роль государства в укреплении национальной экономики стран Юго-Восточной Азии» (7 страниц, автор — Е. Брагина, адресат — В.В. Кузнецов, зам. министра иностранных дел СССР); «Экономика США к маю 1959 года» (10 страниц, автор — В.И. Каплан, Г.П. Куропятник, адресат — В.В. Кузнецов, МИД СССР); «Экономическое и общественно-политическое положение в Бельгийском Конго»¹ (37 страниц, автор — В. Мартынов, адресат — В.С. Семенов, зам. министра иностранных дел СССР) и т.д.²

В 1960 г. число отправленных из ИМЭМО в «инстанции» записок более чем удвоилось — 102. Среди адресатов — члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, А.И. Микоян, кандидат в члены Президиума, секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, Председатель Госплана СССР А.Н. Косыгин, заместители министра иностранных дел В.А. Зорин, Я.А. Малик, Г.М. Пушкин, В.С. Семенов, другие руководящие работники³.

По отдельному каналу шли записки от самого А.А. Арзуманяна, адресованные Н.С. Хрущеву, А.И. Микояну и другим членам Президиума ЦК КПСС. В их написании принимали участие ведущие научные сотрудники Института, но основные идеи выдвигал сам Арзуманян; он же определял и тематику тех материалов, которые предполагал направить на «самый верх».

С 1957 г. в деятельности ИМЭМО и его директора обозначается новое направление — участие в подготовке партийных документов и выступлений Н.С. Хрущева и других высших руководителей КПСС. Впервые Арзуманян был «задействован» для написания доклада Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Октябрьской революции. Тогда же, в ноябре 1957 г., Арзуманян принял активное участие в подготовке и проведении в Москве Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 64 стран мира. Он был одним из главных составителей принятых на этом Совещании документов — Декларации и Манифеста мира, в которых, как отмечалось в «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева, дан в обобщенном виде «марксистски обоснованный анализ международного положения, коренных изменений в расстановке сил на международной арене», а также поставлена «важнейшая международная задача — борьба в защиту мира, против проводимой империалистами подготовки новой мировой войны»⁴.

Арзуманян был включен в состав делегации КПСС во главе с Хрущевым на втором Совещании представителей коммунистических и рабочих партий,

¹ В. Мартынов — однофамилец будущего академика В.А. Мартынова. Данная записка была более чем своевременной, так как в Бельгийском Конго (ныне — Заир) назревала кровопролитная и затяжная гражданская война. — П.Ч.

² Архив ИМЭМО РАН.

³ Там же. В общей сложности за период 1956-1960 гг. Институтом было подготовлено и отправлено в «инстанции» около 350 записок и информационных материалов // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Издание второе, дополненное. М., 1963. С. 677.

проходившем в Москве в ноябре 1960 г. Как и в первом случае, Арзуманян участвовал в подготовительной работе и в составлении итоговых документов — Заявления Совещания и Обращения к народам всего мира.

Помимо этого, Арзуманян и возглавляемый им ИМЭМО приняли самое активное участие в подготовительной работе по разработке семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. и в написании доклада на эту тему, с которым Н.С. Хрущев выступил на внеочередном XXI съезде КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.).

Все более важное место в работе Института занимало прогнозирование перспектив экономического развития ведущих капиталистических стран до 1980 г. Из Отчета о деятельности ИМЭМО в 1956—1960 гг. можно узнать, что в этой работе, предпринятой по заказу Госплана СССР, было занято свыше 100 научных сотрудников Института¹.

В тесном взаимодействии с Научно-экономическим комитетом Совета Министров СССР работал сектор США, преобразованный в 1960 г. в отдел США. В его рамках был создан сектор экономического соревнования двух систем, работа которого велась по четырем главным направлениям:

- перспектива и оценка возможных темпов развития экономики главных капиталистических стран на ближайшие 15—20 лет;
- проблемы производительности труда в экономическом соревновании СССР и США;
- проблемы научно-хозяйственной структуры в экономическом соревновании СССР и США;
- развитие машиностроения в главных капиталистических странах и его перспективы.

В сентябре 1960 г. по каждому из этих четырех направлений Институт представил в Госэкономсовет СССР соответствующий доклад.

В 1960 г. ИМЭМО был задействован и в разработке «Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на 20 лет»².

Определяя задачи ИМЭМО на второе пятилетие его существования, Арзуманян говорил: *«Мы должны дать: во-первых, правильный анализ капиталистической действительности...; во-вторых, дать партии возможность формировать свою внешнюю политику и осуществлять внешнеполитические связи, опираясь на действительное знание тенденций экономического развития и политических явлений; в-третьих, вести активную пропаганду на за границу»*³.

Решение по крайней мере двух первых задач, и Арзуманян это хорошо понимал, было невозможно без преодоления *«последствий культа личности Сталина, догматизма и начетничества в трактовке проблем экономики и политики современного капитализма»*⁴.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО 31 августа 1960 г. // Там же. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 12

Борьба с наслоениями сталинизма в области теории — важнейшее направление деятельности ИМЭМО. Так считал Арзуманян. «...Труды Института, — говорил он, — помогают преодолеть вредное упрощенчество в трактовке вопроса об абсолютном обнищании рабочего класса; труды по вопросу о государственно-монополистическом капитализме направлены... против недооценки экономической роли буржуазного государства...; исследования по вопросам кризисов и циклов служат преодолению... ошибочного тезиса о неизбежности «воспроизводства на суженной базе» (Сталин), тезиса, который обезоруживал нашу страну и другие страны социалистического лагеря в борьбе за победу в экономическом соревновании с капитализмом. Труды Института по вопросам международных отношений служат обоснованию ленинского принципа мирного сосуществования, анализу реального соотношения сил на международной арене, противоречий в лагере капитализма»¹.

Активность А.А. Арзуманяна должным образом была оценена Н.С. Хрущевым. В 1961 г. директор ИМЭМО получает орден Трудового Красного Знамени, причем не по случаю юбилея, как было принято в советской системе, а «за крупные заслуги» в развитии экономической науки и выполнении ответственных заданий партии и правительства. Еще ранее, в июне 1958 г., кандидат экономических наук Анушаван Агафонович Арзуманян был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономических, философских и правовых наук.

Таковы были некоторые предварительные итоги работы ИМЭМО и его основателя в период становления Института как центра по изучению мировой экономики и международных отношений.

«Догнать и перегнать...»

XXII съезд КПСС (17—31 октября 1961 г.) стал апогеем политического влияния Н.С. Хрущева, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в партии и в стране. Еще в июне 1957 г. он нанес поражение т. н. «антипартийной группе» в Президиуме ЦК КПСС (Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович и др.), пытавшейся сместить его с поста Первого секретаря. В октябре того же года Хрущев инициировал выведение из состава Президиума ЦК и отстранение с поста министра обороны СССР внушавшего ему серьезные опасения маршала Г.К. Жукова, обвиненного в бонапартистских устремлениях. В феврале 1958 г. Хрущеву удалось освободиться от последнего, как ему казалось, соперника в борьбе за власть — Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина. Хрущев занял его место, сохранив за собой и пост Первого секретаря ЦК КПСС. Хрущев постоянно обновлял состав Президиума ЦК КПСС верными, как ему казалось, людьми, в их числе Л.И. Брежнев, Ф.Р. Козлов, Н.В. Подгорный, А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Н.Г. Игнатов, О.В. Кусинен, Д.С. Полянский, Е.А. Фурцева... Ко времени созыва XXII съезда старая гвардия сталинских времен полностью утратила влияние: большинство ее

¹ Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО 31 августа 1960 г. Л. 12–13.

представителей были выведены из состава высшего партийно-государственного руководства; другие (А.И. Микоян, М.А. Суслов) демонстрировали полную лояльность Хрущеву.

Отсутствие какой-либо оппозиции в высшем партийном эшелоне, непрерывные восхваления со стороны ближайшего окружения притупляли бдительность, казалось бы, искушенного в интригах Хрущева и одновременно толкали его на непродуманные, зачастую авантюристичные шаги в экономике, внутренней и внешней политике.

Волюнтаризм Хрущева проявился и в решениях XXII съезда КПСС, в особенности в области оценки перспектив экономического развития СССР.

Еще в 1957 г. Хрущев выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку». Выступая 22 мая 1957 г. в Ленинграде, Хрущев заявил, что победа в экономическом соревновании с США является одним из решающих условий исторической неизбежности победы мирового социализма. «Это будет нашим большим завоеванием, — говорил Хрущев. — Ведь сейчас США действуют на психику людей всего западного мира своим объемом производства. Отсталые в экономическом отношении страны просто трепещут и даже не помышляют о том, что они могут сравниться с Америкой. А вот Советский Союз, народы в прошлом отсталой России, взявшие власть в свои руки, построили хозяйство на социалистических основах... и получили возможность поставить вполне реальную задачу — догнать и перегнать США по уровню производства на душу населения»¹. Наряду с первоочередным развитием тяжелой промышленности, что изначально было свойственно советской экономической системе, был поставлен вопрос и о приоритетах в производстве жизненно важных продуктов питания — мяса, молока и масла.

Решение поставленной амбициозной задачи Хрущев видел главным образом на путях экстенсивного развития, в частности, за счет освоения новых сельскохозяйственных площадей (целинных земель Казахстана и Заволжья), повсеместного (от Кубани до Архангельской области) внедрения кукурузы², а также на пути «совершенствования партийного руководства» сельским хозяйством, что выражалось в бесконечных реорганизациях управленческих структур.

Авантюристичный по сути лозунг «Догнать и перегнать Америку» в развернутом виде переключал и в новую Программу КПСС, принятую на XXII съезде. Программа КПСС провозгласила в качестве достижимой к 1980 г. задачу построения в СССР основ коммунистического общества.

В течение первых десяти лет (1961—1971) СССР должен был превзойти США — самую богатую в мире страну — по производству продукции на душу населения. К концу второго десятилетия (1971—1980) в Советском Союзе должна была быть создана материально-техническая база коммунизма.

В течение первого десятилетия промышленное производство в СССР должно было возрасти в два с половиной раза и превзойти уровень США (на

¹ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. М., 1962. С. 446.

² Общая площадь земель, отведенных в СССР под кукурузу, возросла с 18 млн. га в 1956 г. до 37 млн. га в 1962 г. // Там же. С. 498.

1961 г.). А за двадцать лет преусматривалось увеличить объем промышленной продукции почти вдвое больше, чем к началу 60-х годов производилось во всем несоциалистическом мире.

В области сельского хозяйства Программа предусматривала в ближайшие десять лет увеличение продукции в два с половиной раза, а за двадцать лет — в три с половиной раза. При этом производительность труда в сельском хозяйстве должна была повыситься за двадцать лет в пять—шесть раз.

Достижение запланированных показателей сельскохозяйственного производства предусматривалось, в частности, за счет полной электрификации сельского хозяйства, его химизации и выполнения обширной программы ирригационного и мелиоративного строительства.

Все это должно было к 1980 г. завершиться созданием материально-технической базы коммунизма. Полное же построение коммунизма в Программе КПСС объявлялось задачей последующего периода¹.

Нереалистичность Программы КПСС станет очевидной сразу же после ее принятия. Уже в 1962 г. в стране начались перебои с основными продуктами питания. 31 мая 1962 г. правительство вынуждено будет пойти на повышение розничных цен на мясо-молочные продукты, что вызовет открытое недовольство в стране. А в Новочеркасске в июне того же года дело дойдет до открытого выступления рабочих, поддержанных населением города. Выступление будет подавлено силой оружия, в результате чего погибнут 23 человека.

В 1963 г. во многих городах и рабочих поселках СССР будут введены продовольственные карточки. Впервые за послевоенный период правительство вынуждено будет пойти на закупку продовольствия за границей. На это будет истрачена значительная часть (520,3 т) золотого запаса страны. При этом зерно закупят не где-нибудь, а в Соединенных Штатах, которых, казалось бы, вот-вот должны были догнать и перегнать по всем показателям.

Все это в скором времени будет иметь серьезные последствия и для самого Н.С. Хрущева, главного инициатора авантюристичной затеи с соревнованием с США, впрочем, как и с построением коммунизма к 1980 г.

Пока же, в период подготовки Программы КПСС и в начальной стадии ее реализации, все интеллектуальные силы партии были мобилизованы на выполнение предписаний «дорожного Никиты Сергеевича».

¹ В Программе КПСС было дано и определение коммунизма как общественно-экономической формации: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 274).

В первых рядах исполнителей «исторических предназначений» находился и коллектив научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, где с 1957 г. были налажены исследования по сопоставлению показателей экономического развития США и СССР, Запада и Востока. Разумеется, после XXII съезда работа в этом направлении была существенно расширена.

ИМЭМО трудился над подготовкой материалов к XXII съезду КПСС с 1960 г. А.А. Арзумяну было поручено готовить материалы к первому разделу Отчетного доклада ЦК КПСС, где речь шла о ситуации в мире и о внешней политике СССР. Кроме того, ведущие сотрудники ИМЭМО были привлечены к работе над соответствующими разделами проекта Программы КПСС.

Наибольшие трудности возникли при составлении прогноза экономического соревнования СССР и США¹. Цифры, предложенные первоначально экономистами ИМЭМО, не могли удовлетворить заказчика (ЦК КПСС), так как они не внушали оптимизма относительно возможностей советской директивно-плановой экономики в намечаемые сроки достичь уровня развития экономики США. По свидетельствам ветеранов ИМЭМО, первый вариант подготовительных материалов к Программе КПСС, представленный в ЦК КПСС на основе более или менее объективных данных, был забракован на Старой площади как неудовлетворительный, а Арзумяну, по всей видимости, было сделано соответствующее внушение.

Как известно, существуют три вида лжи — ложь, наглая ложь и статистика. Советская статистика на протяжении семидесяти лет своего существования подтверждала истинность этого утверждения. Что касается советской экономической науки, то и она была обязана выполнять директивные указания высшего партийного руководства. Если Никита Сергеевич пообещал «догнать и перегнать Америку» к 1980 г., то коммунистам на местах не оставалось ничего другого, как работать в указанном направлении. Секретари обкомов партии занялись очковтирательством и приписками, рапортуя наверх о все более высоких показателях промышленного и сельскохозяйственного производства². Разумеется, подобное соревнование с США могло быть успешным для СССР только на бумаге.

В отличие от партийно-хозяйственных руководителей, действовавших зачастую на свой страх и риск во имя выполнения полученных директив, уче-

¹Можно, в частности, упомянуть две развернутые записки на эту тему, адресованные А.Н. Косыгину и А.И. Микояну — «Материалы по экономическому соревнованию социализма и капитализма. СССР — США» и «Материалы, характеризующие ход экономического соревнования социализма и капитализма».

²Наиболее громкий скандал с очковтирательством был связан с деятельностью 1-го секретаря Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионова, добившегося рекордных показателей по заготовкам мяса за счет насильственного изъятия скота у населения, негласных закупок мяса в других областях и фальсификации статистики. За рекордные достижения в перевыполнении планов развития сельского хозяйства Ларионов, энергично поддержанный Хрущевым, был удостоен звания Героя Социалистического Труда, но вскоре он застрелился, как только вскрылась вся организованная им система обмана. История с Ларионовым не была исключением. Подобным же образом обманывали государство многие другие партийные и хозяйственные руководители.

ные-экономисты, в подавляющем большинстве члены партии, подвергались открытому идеологическому давлению. Экономические расчеты становились не собственно профессиональным делом, а партийным заданием, которое должно быть выполнено любой ценой. Экономисты ИМЭМО, Института экономики и других научных учреждений становились заложниками (и участниками) созданной на рубеже 50—60-х годов системы государственного обмана, просуществовавшей до конца 80-х. Порочная практика фальсификации статистики распространилась и в ученой среде.

Разумеется, второй вариант расчетов экономического соревнования между СССР и США, направленный из ИМЭМО в ЦК КПСС и предназначенный для использования в Программе партии, был скорректирован в нужном направлении.

Научные сотрудники ИМЭМО приняли активное участие в подготовке международного раздела Программы КПСС, в частности той его части, где сформулированы принципы мирного сосуществования в отношениях СССР с капиталистическими странами. Эта работа была поручена доктору исторических наук Иосифу Михайловичу Лемину и кандидату исторических наук Владимиру Владимировичу Размерову.

Из воспоминаний В.В. Размерова:

«<...> Главной нашей задачей было сформулировать заново известные принципы мирного сосуществования. Это оказалось не так уж просто.

Дело в том, что впервые эти принципы были сформулированы всего-навсего в преамбуле соглашения о торговых связях между Тибетским районом Китая и Индией, подписанного в 1954 году. Наша гружба с Китаем еще казалась вечной, и мы активно поддержали и широко пропагандировали эти принципы, которых было пять. Через год в Бангунге была принята декларация о мире и сотрудничестве, включавшая десять принципов, по существу соответствующих пяти принципам мирного сосуществования. И тут заметно ощущалось китайское влияние. Нам тогда это не мешало.

Однако в 1961 году раскол между нами и китайцами достиг уже большой глубины. Обвиняя руководство КПСС в ревизионизме, китайцы писали, что советские деятели «трусливы как мыши». В такой обстановке нужно было как-то откеститься от китайщины в подходе к проблемам мирного сосуществования. В то же время нужно было сохранить традиционную преемственность повторявшихся нами не один год лозунгов.

Наша попытка сократить принципы мирного сосуществования до трех основных вызвала противодействие в ЦК. В духе времени было не укорачивание лозунгов, а их удлинение: даже гордый клич французской революции — «Свобода, Равенство, Братство» — у нас умудрились снабдить невразумительным говеском: «мир, труд, счастье». В итоге первоначальный и бангунгский варианты принципов мирного сосуществования изложены нами в несколько ином порядке и другими словами. Количество этих принципов мы также сохранили, используя знаки препинания: если их считать по числу отделенных точкой с запятой, то всего окажется пять принципов, но через запятую их перечислено десять.

Как выяснилось позже, нашу ювелирную работу высоко оценили заказчики, ибо рассуждения о мирном сосуществовании и некоторые другие пассажи, касавшиеся международных дел, практически без изменений вошли в новую Программу... Правда, насколько помнится, нам за это даже пары сотен рублей премии не дали»¹.

Материалы, подготовленные в ИМЭМО, вошли и в Отчетный доклад, с которым на XXII съезде выступил Н.С. Хрущев. В первом разделе доклада, посвященном мировой обстановке и положению в странах капитализма, отмечались нарастание кризисных явлений в экономике капитализма и тенденция к его загниванию, хотя одновременно признавался и рост производства в странах Запада. Успешное развитие отдельных отраслей промышленности на Западе, ускорение научно-технического прогресса Хрущев объяснял милитаризацией капиталистической экономики.

В доклад Хрущева вошло важное положение о тенденции к восстановлению и укреплению экономических позиций побежденных во Второй мировой войне стран, прежде всего ФРГ и Японии². В связи с этим фактической переоценке подвергся в докладе и «план Маршалла», который в советской печати принято было оценивать исключительно негативно. Было признано, что восстановление экономических потенциалов Западной Германии, Италии, а также Японии стало возможным благодаря значительным долларовым вливаниям в их экономику³. Все эти положения, прозвучавшие с трибуны XXII съезда, были разработаны учеными ИМЭМО.

«В свете исторических решений...»

По окончании работы XXII съезда в партийной организации ИМЭМО, как и во всех парторганизациях КПСС, состоялось обсуждение итогов съезда и новых задач, встающих перед Институтом в связи с принятием новой Программы партии. На собрании с большим докладом выступил А.А. Арзумян, принимавший участие в работе съезда.

¹ «Общение с Иосифом Михайловичем для меня было чрезвычайно приятным и полезным, — вспоминает Размеров. — Он был блестящим представителем когорты старых имховцев, крупным ученым-англоведом, настоящим интеллигентом и прекрасным человеком. Как сейчас помню его грустные глаза, наполненные не только печалью многих поколений его гонимых предков, но и собственным трагическим опытом жизни в нечеловеческих условиях сталинской диктатуры. Мудрый и добрый, снисходительный и все понимающий, он превращал совместную работу в удовольствие и обеспечивал ее успех» (воспоминания В.В. Размерова, любезно предоставленные им в распоряжения автора).

² «На долю Западной Германии, Японии и Италии, вместе взятых, приходится теперь около 17 процентов промышленного производства капиталистического мира, то есть больше, чем в 1937 году...», — отмечалось в Отчетном докладе // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 27.

³ Там же. С. 27 — 28.

В своем докладе он сосредоточился на постановке принципиальных вопросов дальнейшей научно-исследовательской работы ИМЭМО. Любопытно, что на одно из первых мест Арзуманян поставил вопрос о необходимости развертывания в Институте технико-экономических исследований, увязав это с насущными потребностями развития советской экономики.

«Многие наши исследования, — заявил Арзуманян, — теряют смысл, потому что наши работники плохо знают нужды советской экономики, тенденции ее развития, практические задачи, которые требуют своего решения. Поэтому эти работники не в состоянии как следует вскрыть пороки капиталистического хозяйства и показать преимущество социализма, а с другой стороны, не могут отобразить то прогрессивное, которое нужно для нашего хозяйства.

Возьмите простой пример, — продолжал Арзуманян. — Разве умный экономист не мог своевременно вскрыть тот факт, что паровозы отжили. Но зачастую экономисты не знали серьезно, что гала смена паровозов электровозами и тепловозами в США. Поэтому Каганович¹ мог во всю глотку ораторить о том, что он стоит за паровоз, тянуть долгое время наше хозяйство назад. Или возьмите вопрос о топливном балансе. Ведь проповедовали мы долгое время глупость о том, что увеличение удельного веса нефти и газа в топливном балансе не является прогрессивным фактором.

При таких условиях могли появиться в начале 1958 г. решения о запрещении на транспорте и в ряде других отраслей потребления нефти.

Если бы в стране были бы серьезные изучения, то так или иначе они способствовали бы улучшению дела. Возможно, конечно, продвижение прогрессивных предложений было связано с определенным тогда риском, — заметил Арзуманян. — Но они пробили бы себе путь. Однако очень часто их не было, ибо экономисты были оторваны от хозяйственной практики, технико-экономические исследования объявлялись буржуазным рецидивом, а цитатничество и схоластическое повторение метафизических догм приносило доходы и уважение»².

Далее Арзуманян остановился на вопросах научно-технического прогресса и проблеме общественного воспроизводства общественного капитала.

«У нас уже намечен правильный путь к анализу этой проблемы, — заявил он. — Я сказал бы, что большинство наших исследователей отдают себе отчет в том, что научно-технический прогресс последних десятилетий

¹ Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) — один из соратников И.В. Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б) / КПСС в 1930–1957 гг. В 1935–1944 гг. — нарком путей сообщения. В дальнейшем, как заместитель Председателя Совета Министров СССР, курировал МПС. На XX–XXII съездах был подвергнут резкой критике; в 1957 г. выведен из ЦК КПСС и впоследствии исключен из партии.

² Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 17–18.

в условиях общего кризиса капитализма внес существенные изменения в процесс общественного воспроизводства капитала, вызвал неустойчивость и дальнейшее загнивание, чреват глубокими потрясениями. Наши исследователи видят, какие противоречия создаются в процессе воспроизводства снижением удельных затрат на единицу продукции. Из этого факта кое-кто делал вывод о невозможности роста, о самоугушении капитализма, о закупорке производительных сил. Мы отбросили эту точку зрения, как несоответствующую реальной действительности и противоречащую марксизму-ленинизму. <...>

Рост капитальных вложений не может приостановиться, — аргументировал свой вывод Арзуманян. — Он не может приостановиться и потому, что растет население, и потому, что идет процесс индустриализации в слаборазвитых странах, и потому, что научно-технический прогресс вызывает массовое обновление капитала на кратких промежутках времени, и потому, что идет конкуренция монополий и т.д.»¹

Арзуманян призвал к сочетанию в научном исследовании этих вопросов «теоретического политико-экономического и технико-экономического анализа».

«Очень серьезно мы должны заняться проблемами мирового капиталистического хозяйства, — продолжал Арзуманян. — Капитализм создал пропасть между слаборазвитыми и развитыми странами капитала. Это уже основа глубокой неустойчивости. Мы должны дать фундаментальный труд, который раскроет сложную картину современного мирового хозяйства и мирового рынка... Это очень необходимо нам с точки зрения интересов Советского Союза. Я не могу согласиться с теми, которые говорят, что для Советского Союза нет проблемы рынка. Конечно, специфической проблемы рынка, которая создается при капитализме благодаря господству закона прибавочной стоимости, у нас нет. Но с точки зрения международного разделения труда, и для нас стоит проблема рынка. И она стоит не только с точки зрения дальнейшего развития и укрепления мирового социалистического рынка. Она стоит перед нами и потому, что торговля с капиталистическими, в особенности со слаборазвитыми странами будет расширяться. Вот почему проблема исследования всемирного рынка имеет для нас актуальное значение»².

В своем докладе Арзуманян определил и задачи Института в изучении важнейшей в свете последних решений XXII съезда КПСС проблемы соревнования двух систем, прежде всего СССР и США.

«Мы должны и тут преследовать своими исследованиями определенные практические цели, — подчеркнул директор ИМЭМО. — С одной стороны, —

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 20–21.

² Там же. Л. 22.

заявил он, — наша задача состоит в том, чтобы видеть отчетливо все прогрессивные тенденции, вызванные научно-техническим прогрессом, взять все ценное и своевременно использовать в нашем хозяйстве.

С другой стороны, мы должны сделать так, чтобы преградить, если можно так выразиться, путь экспансии империалистических стран в слабо развитый мир, усилить наши позиции на всемирном рынке, повернуть экономические связи слабо развитых стран с ориентации на западный капитализм на социализм, конкретно на СССР.

В-третьих, мы должны вскрыть все антагонизмы капитализма и дать идеологическое оружие борьбы рабочему классу, коммунистическим партиям»¹.

Арзуманян постоянно подчеркивал необходимость увязывания научных исследований, проводимых в Институте, с практическими потребностями руководства СССР.

«Институт не имел бы успеха, если бы он не связал свои исследования с жизнью, — заявил директор в заключительной части своего доклада. — Что было бы с нами, если мимо нас прошло бы Совещание коммунистических и рабочих партий? Что было бы с нами, если бы мимо нас прошла разработка некоторых вопросов семилетнего плана и Генеральной перспективы? Что было с нами, если мимо нас прошла бы подготовка материалов к Программе, к XXII съезду? Такой Институт нечего было бы держать»².

Как известно, на XXII съезде КПСС было продолжено развенчание «культы личности» И.В. Сталина. Впервые открыто было сказано о его преступлениях перед партией и народом. Одновременно были окончательно дискредитированы ближайшие соратники покойного вождя из числа недавних противников Н.С. Хрущева — В.М. Молотов, Г.М. Маленков и Л.М. Каганович. Общество информировали об их прямой ответственности за организацию массовых репрессий в 30—40-е годы. Разумеется, о причастности к тем же преступлениям Хрущева не было сказано ни слова. По решению съезда гроб с телом И.В. Сталина в ночь на 31 октября 1961 г. тайно был вынесен из Мавзолея и захоронен у Кремлевской стены.

А.А. Арзуманян, будучи убежденным противником сталинизма, принял самое активное участие в развернутой Хрущевым кампанией по разоблачению культа личности. В Архиве РАН сохранился текст доклада Арзуманяна «О преодолении последствий культа личности Сталина в развитии экономики и экономической науки в СССР и о позиции В.М. Молотова в период принятия Программы КПСС», с которым он в 1962 г. выступил на заседании Отделения экономических наук АН СССР. Высказанные тогда Арзуманяном мысли важны не только сами по себе. Во многом они направляли деятельность Арзуманя-

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 23.

² Там же. Л. 27.

на на посту директора ИМЭМО, а с 1962 г. еще и академика-секретаря Отделения экономических наук АН СССР. Арзумян был искренне убежден, что успешное развитие экономической науки, как и экономики в целом, невозможно без разрыва с теоретическим наследием сталинизма. Именно по этой причине он неоднократно возвращался к этой теме.

Из доклада А.А. Арзумяна:

«<...> Проводившаяся Сталиным линия на отрыв экономической науки от практики означала грубое нарушение ленинского положения о том, что в основу экономической науки должно быть положено изучение фактов, цифр, анализ практического опыта. Экономисты полностью изолировались от практического конкретного материала. Фактически им был закрыт доступ к статистическим данным.

Изгонялось обучение конкретным расчетам и практическим методам ведения хозяйства из всей системы подготовки экономистов.

Все это не могло не вызвать серьезных отрицательных последствий. Народнохозяйственная практика слабо обобщалась. С одной стороны, крайне тормозилось развитие экономической науки, все более лишавшейся своей питательной базы в виде практического опыта. С другой стороны, планирование, практика хозяйственного руководства очень слабо подкреплялись научно-обоснованными методами и расчетами. Наметился разрыв между политической экономией, не получавшей конкретного материала для анализа процессов развития народного хозяйства и отраслевыми экономическими науками, не получавшими от политической экономии методологического оружия...

Средний уровень научных и практических кадров экономистов стал все более отставать от потребностей страны. И это создавало опасное положение для развития экономики.

Явная недооценка экономической теории Сталиным, его пренебрежительное отношение к экономической науке выразилось в проведенной по его указанию ликвидации научно-исследовательских институтов в центре и на местах, в плановых органах, министерствах, ведомствах и в Академиях наук. Вместо десятков институтов остались один—два института на всю страну. Прекратилось существование экономических журналов. Выпуск экономической литературы свелся к нескольким книгам в год.

Такой подход к экономической науке со стороны Сталина соответствовал проводимому им волюнтаристскому курсу, означавшему полный произвол в экономической науке и практике, полное игнорирование — несмотря на все пышные декларации и заклинания — экономических законов и категорий. Разработка вопросов применения экономических законов и вытекающих из них принципов и методов планирования и хозяйствования лишь мешала этой линии и вскрывала ее порочность. В условиях культа личности Сталина делалось все, чтобы изгонять из экономической науки дух творчества, новые, свежие постановки. Дискуссии и подлинные научные обсуждения были почти сведены на нет.

Несмотря на все эти тяжкие обстоятельства советская экономическая наука развивалась и в тот период, но это развитие было искусственно замедленным, сильно урезанным и во многом искаженным». <...>¹

Вклад А.А. Арзумяна и его Института в подготовку материалов XXII съезда был высоко оценен Н.С. Хрущевым. В 1962 г. Арзумяна избирают депутатом Верховного Совета СССР, где он входит в Комиссию по иностранным делам Совета Национальностей. Хрущев, возглавивший работу по подготовке новой Конституции СССР, включает Арзумяна в состав Конституционной комиссии. Директор ИМЭМО становится общественно-значимой фигурой, одним из представителей высшей советской номенклатуры.

Академик-секретарь

В том же, 1962 г. Арзумяна избирают действительным членом Академии наук СССР, академиком-секретарем созданного по его инициативе Отделения экономических наук² и членом Президиума АН СССР. В характеристике кандидата на избрание в действительные члены АН СССР, полученной Арзумяном в ИМЭМО, говорилось, что он *«по праву может быть назван создателем и главой современной школы исследователей главных проблем мирового капитализма»*³.

Как руководитель Отделения экономики, Арзумян, среди прочего, большое внимание уделял совершенствованию системы экономического образования в СССР. Исходя из растущих потребностей советской экономики в квалифицированных кадрах, он, как мог, добивался увеличения приема студентов в экономические вузы и на экономические факультеты университетов, а также расширения набора в аспирантуру по экономическим специальностям.

Особое внимание Арзумян уделял выпуску общеобразовательной и специальной литературы экономического профиля. Справедливо оценивая как неудовлетворительный уровень профессиональной подготовки в СССР экономистов, Арзумян считал совершенно необходимым знакомство советского читателя с лучшими работами зарубежных экономистов. По понятным идеологическим причинам, публикация в русском переводе книг «буржуазных» авторов была крайне затруднительна. Тем не менее Арзумян активно действовал в этом направлении, умело используя провозглашенный Хрущевым лозунг «догнать и перегнать Америку» и ссылки на те или иные положения Программы КПСС.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.

² До 1962 г. в системе АН СССР существовало Отделение экономики, философии и права, объединявшее ученых трех разных специальностей. Создание Отделения экономических наук, безусловно, способствовало более широкому развертыванию в Советском Союзе экономических исследований.

³ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.

В качестве примера можно привести его докладную записку, адресованную тогдашнему хрущевскому фавориту, секретарю ЦК КПСС Л.Ф. Ильичеву, курировавшему в 1963—1964 гг. вопросы идеологии.

Из докладной записки А.А. Арзуманяна (конец 1963 г.):

«Считаю своим партийным и служебным долгом сообщить Вам о необходимости принять самые срочные меры против недопустимого ухудшения за последние 2–3 года возможностей для информации советских людей о состоянии экономики и экономической науки за рубежом.

С одной стороны, в связи с положением Программы КПСС о превращении экономической науки в непосредственную производительную силу общества, резко выросла потребность в такой информации. Это находит свое подтверждение в следующем:

Армия экономистов в СССР с 1960 г. по 1962 г. увеличилась более чем вдвое и продолжает расти (так как мы все еще серьезно отстаем от США в этом отношении).

Появились новые отрасли и методы экономической науки, а потребности СССР в изучении зарубежного экономического опыта, как для успешного строительства коммунизма, так и для эффективной борьбы с буржуазной идеологией, догматизмом и ревизионизмом, растут буквально «не по дням, а по часам».

Итоги бурного развития марксистской экономической науки в братских странах социализма из-за языковых барьеров к ущербу для нас не доходят в полной мере до советских ученых и практиков. Это вызывает также и справедливую обиду у наших коллег в этих странах.

С другой стороны, вопреки решениям XXII съезда партии и всех последующих Пленумов ЦК КПСС, существовавшие до сих пор каналы для получения интересующей советских экономистов зарубежной информации, не расширяются, а сокращаются год от года. <...>

Во-первых, новым издательством «Прогресс» (?) (так в тексте. — П.Ч.), созданным взамен Издательства иностранной литературы, запланированный ранее общий объем переводной экономической литературы был снижен на 1964 г. сразу вдвое. Это составляет примерно 1 печатный лист в год на миллион жителей СССР, т.е. меньше, чем в бывшем Бельгийском Конго, и в десятки раз меньше, чем, скажем, 10–15 печатных листов на 1 миллион жителей в год в США или Японии, где умеют ценить выгоду этого дела. <...>

Во-вторых, и без того мизерные суммы иностранной валюты, ассигнуемой на выпуск новейшей экономической литературы для институтов Отделения экономических наук АН СССР, систематически урезаются. Например, для головного Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, по сравнению с 1962 г. (16 тыс. инвалютных рублей), эта сумма была снижена в 1963 г. на 30%, а в 1964 г. снова на 20%, т.е. почти вдвое против 1962 г. Достаточно сказать, что ни одной монографии или справочника ИМЭМО АН СССР в 1964 г. выписать не сможет. <...>

В связи с тем, что отмеченные выше ненормальности серьезно мешают выполнению задач, поставленных партией и правительством перед советскими экономистами, прошу Вас в интересах дела помочь их устранению. Для этого необходимо, как минимум: во-первых, срочно восстановить существовавшие до XXII съезда КПСС объемы: публикаций переводной экономической литературы и инвалютных ассигнований для экономических институтов АН СССР и, во-вторых, рекомендовать Главному управлению «Союзкнига» и издательству «Прогресс» перейти от политики свертывания деятельности экономической редакции к ее всемерному расширению и укреплению»¹.

Арзуманяну, как правило, удавалось убедить директивные инстанции в своей правоте. Так, он сумел преодолеть сопротивление партийных чиновников из Госкомитета СССР по печати, препятствовавших изданию в русском переводе книги ведущего американского экономиста П. Самуэльсона «Экономика».

Когда начата была в издательстве «Прогресс» работа над книгой Самуэльсона, по указанию ревнителей устоев со Старой площади, была внезапно остановлена, Арзуманян немедленно обратился к Л.Ф. Ильичеву с подробным обоснованием необходимости издания этой книги.

«Книга П. Самуэльсона «Экономика», — писал Арзуманян, — является самым распространенным на Западе буржуазным учебником политической экономии. Она переведена на все основные языки и издана во многих странах, а из числа социалистических стран — в Польше. <...>

Потребность в такой книге весьма велика, — продолжал убеждать Арзуманян партийного сановника от идеологии, — поскольку наша критика буржуазной политической экономии в значительной мере ограничивается старыми школами и недостаточно затрагивает новейшие направления. Издание этой работы даст возможность советским экономистам ознакомиться с теоретическими основами экономической политики современного буржуазного государства и, в частности, нынешнего правительства США и будет способствовать более квалифицированной марксистской критике этой политики.

Если это будет сочтено целесообразным, книга могла бы быть выпущена ограниченным тиражом, для научных библиотек.

Сотрудниками Института (ИМЭМО. — П.Ч.) проведено научное редактирование перевода книги, в ряде редакционных примечаний выявлено наше отношение к концепции автора. Это сделано также в обстоятельной вступительной статье к книге»².

Ильичев поддержал Арзуманяна и дал соответствующие указания Идеологическому отделу ЦК КПСС и Госкомитету СССР по печати. Остановленная

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 143. Л. 14–16.

² Письмо датировано 14 ноября 1963 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 5. Л. 1–2.

в издательстве работа была немедленно возобновлена, и в середине 1964 г. «Экономика» П. Самуэльсона появилась в русском переводе, правда, с грифом «Для научных библиотек». Тем не менее советские экономисты получили возможность ознакомиться с книгой одного из ведущих американского экономистов.

РАССЕКРЕЧЕНО
КОПИЯ
8

Ц К К П С С

Справка на № 42313 и 274829

М.Самуэльсон
 Отделение экономических наук АН СССР (т.Арзуманян) и проф. А.С.Кудрявцев ставят вопрос о необходимости издания на русском языке книги американского ученого П.Самуэльсона "Экономика", которая является самым распространенным в капиталистических странах учебником политической экономии. Издание этой книги на русском языке предоставит советским экономистам возможность ознакомиться с новейшими концепциями буржуазной политической экономии, с теоретическими основами экономической политики буржуазных государств, в частности США, будет способствовать улучшению нашей критики современной буржуазной идеологии и экономической политики империализма.

Считаю целесообразным поддержать предложение об издании книги П.Самуэльсона на русском языке небольшим тиражом для научных библиотек.

Зам.председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по печати т.Боголюбов К.М. сообщил, что издание этой книги поручено издательству "Прогресс".

Т.Арзуманяну и Кудрявцеву сообщено.

Зам.зав.Идеологическим отделом ЦК КПСС И.Удальцов (И.Удальцов)

Зав.сектором Б.Украинцев (Б.Украинцев)

Арзуманян
И.Удальцов
Б.Украинцев
 " 6 " декабря 1963 года

Справка Идеологического отдела ЦК КПСС по поводу издания на русском языке книги П. Самуэльсона «Экономика» (РГАНИ)

После XXII съезда поле деятельности А.А. Арзумяна значительно расширяется. Все большее место в его работе занимают вопросы развития советской экономики.

Арзумян обращает внимание Хрущева на одну из самых серьезных проблем, ставшую бичом советской экономики, — распыление капиталовложений и постоянно возрастающий объем незавершенного капстроительства в СССР. В предложениях, составленных для готовившегося после XXII съезда пленума ЦК КПСС об организационной перестройке руководства народным хозяйством, Арзумян писал:

«Серьезные недостатки в управлении капитальным строительством ведут к разбазариванию средств, направляемых на капиталовложения, растянутости сроков строительства и ввода в эксплуатацию мощностей и образование непомерного объема незавершенного капитального строительства.

Крупнейший недочет решительно всех отраслей строительства — раздутый фронт работ, распыление средств по множеству объектов, в том числе, второстепенного значения, одновременное введение такого количества строек, которое не обеспечено достаточно материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами. Большие средства нерационально отвлекаются на нужды мелкого и длительно вестующего нецентрализованного строительства, которое нередко ведется прямо в ущерб строительству, имеющему общегосударственное значение. Нельзя примириться с такими фактами, когда объем незавершенного строительства достигает трех четвертей объема годовых капиталовложений»¹.

Этой же теме была посвящена 9-страничная записка, адресованная лично Хрущеву, которую А.А. Арзумян написал в начале 1962 г. совместно с директором Института экономики АН СССР К.Н. Плотниковым и главным редактором журнала «Вопросы экономики» Л.М. Гатовским².

«Дорогой Никита Сергеевич! — писали экономисты. — Исходя из тех идей, которые Вы высказывали в последнее время, нам хочется выдвинуть одно предложение, способствующее, на наш взгляд, улучшению руководства капитальным строительством и технической политики.

Советский Союз достиг огромных успехов в капитальном строительстве и техническом прогрессе. Достаточно сказать, что СССР по объему капиталовложений в промышленность превзошел США. Так, уже в 1960 г. капиталовложения в советскую промышленность составили 14,3 млрд. руб., а в американскую (в пересчете на советские рубли) — примерно 13,5 млрд. руб.

¹ Письмо датировано 14 ноября 1963 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 138. Л. 15.

² «Об улучшении руководства капстроительством и технической политикой». Записка для Н.С. Хрущева. (Академик А.А. Арзумян, член-корреспондент К.Н. Плотников, член-корреспондент Л.М. Гатовский) // Там же. Д. 143. Л. 33—39.

Однако в области капитального строительства и внедрения новой техники у нас еще имеются серьезные недостатки, — отмечали Арзумян и его коллеги. — Распыление и нерациональное направление значительной части вложений, разбазаривание средств, растянутость сроков строительства и ввода в эксплуатацию мощностей, непомерно большой объем незавершенного строительства, — все это вызывает омертвление огромных средств и недостаточную эффективность капитальных вложений».

В записке приводились убийственные цифры, характеризующие катастрофическое положение в области капитального строительства:

«К началу 1962 г. стоимость незавершенного строительства составила во всем народном хозяйстве 25 млрд. руб., или 76 % всего объема капитальных вложений истекшего года, в том числе по промышленному строительству — 96 %, а в химической и каменноугольной отраслях — больше 125 %. Наряду с большим количеством строительных объектов, которые не могут быть завершены из-за отсутствия требуемого оборудования, на стройках и предприятиях скопилась масса не установленного импортного нового оборудования — на 631 млн. руб.

Направление капитальных вложений, их распределение между отраслями и отдельными объектами в ряде случаев не является результатом продуманного решения и не обеспечивает максимальной эффективности использования ассигнованных средств. Известно, какой ущерб в свое время был нанесен стране тем, что капитальные вложения направлялись преимущественно на развитие добычи угля, а не более экономичных нефти и газа. Развитие химической промышленности только по Вашей инициативе ускорилось в последние годы за счет увеличения объема капитальных вложений в эту важнейшую отрасль. Если бы производство синтетического каучука получило раньше должный размах, то наши потребности в нем были бы полностью удовлетворены».

В записке обращалось внимание руководителя партии и правительства на недопустимую практику распыления строительства по многочисленным объектам, даже не включенным в государственный план, на расточительное финансирование переходящих и вновь начинаемых непусковых объектов, на искусственное торможение технического прогресса из-за несовершенства организации и руководства проектно-конструкторскими работами, на неудовлетворительную работу Госкомитета по автоматизации и машиностроению.

«В большей степени этими обстоятельствами объясняется тот факт, — подчеркивали авторы записки, — что эффективность капитальных вложений, отдача на единицу вложенных средств у нас все еще значительно ниже, чем в США. Так, по имеющимся подсчетам, капиталовложения в промышленности СССР в среднем на 25—30 % выше, чем в американской промышленности.

Многие из указанных недостатков нельзя объяснить отсутствием денежных и материальных средств, — отмечалось в записке. — Эти недостатки в значительной степени проистекают из-за отсутствия централизованного руководства капитальными вложениями и технической политикой. Между тем весь мировой опыт показывает, что дело капитальных инвестиций требует строгой централизации. Даже в капиталистических странах инвестиции в настоящее время строго централизуются; политика инвестиций определяется либо государством, либо в частных монополиях — тройкой или пятеркой высших руководителей».

Какое же решение затронутой проблемы предлагали Арзуманян, Плотников и Гатовский?

Выход из создавшегося крайне неблагоприятного положения с капитальным строительством и технической политикой они видели в совершенствовании механизма управления.

«Сейчас Совет Министров СССР не располагает специальным органом, который бы целиком сосредоточил свое внимание на руководстве капитальным строительством в масштабе всей страны, ведал распределением соответствующих фондов материального обеспечения и контролем за реализацией капитальных вложений, — отмечали авторы записки. — Эти функции не могут выполняться отдельно ни Госпланом, ни Госэкономсоветом, ни Госстроем, ни Госкомитетом по автоматизации и машиностроению. Их не могут выполнить ни государственные комитеты по важнейшим отраслям промышленности, ни отдельные совнархозы».

Арзуманян и его коллеги настаивали на усилении централизующей и контролирующей функций Совмина СССР в области капитального строительства и технической политики.

«Назрела необходимость в создании в составе Совета Министров СССР специального органа, который осуществлял бы руководство всем делом капитального строительства в стране, — говорилось в записке. — Подчеркнем, что это не новое Министерство, ни ВСНХ или какой-либо новый комитет, а это составная часть Совмина, объединяющая дело руководства капитальным строительством и технической политикой в стране. Этот орган не должен иметь функций непосредственного оперативного управления производством и строительством.

Свою деятельность он будет осуществлять через подчиненные ему Госплан, Госэкономсовет, Госстрой, отраслевые государственные комитеты Совета Министров СССР и существующие Министерства, через Советы Министров республик.

Следует особо подчеркнуть, что Госкомитет по автоматизации и машиностроению и намечаемый к созданию Научно-технический совет Госплана СССР будут вырабатывать и осуществлять единую техничес-

кую политику под руководством указанного органа Совета Министров СССР.

Отраслевые комитеты совместно с Госпланом и Госэкономсоветом составляют титульные списки капитального строительства, планы распределения материально-технического обеспечения строительства, контролируют ход капитального строительства, а также контролируют внедрение и освоение новой техники.

Осуществление этих функций отраслевыми комитетами ни в коей мере не означает воссоздания прежних министерств, поскольку все непосредственное руководство работой промышленных предприятий и строительных организаций осуществляют совнархозы.

Таким образом, будет обеспечено единство капитального строительства и технической политики в масштабе страны», — говорилось в заключительной части записки.

Хотя в записке и содержались многократные заверения ее авторов в безусловной поддержке всех начинаний Н.С. Хрущева по перестройке управления народным хозяйством, тем не менее направленность этого документа могла быть воспринята как противоречащая линии Хрущева на децентрализацию управления экономикой (ликвидация министерств, создание совнархозов, насаждение производственного принципа даже в организационном построении КПСС (промышленные и сельские обкомы партии, территориальные производственные управления и т.д.).

Одним из следствий хрущевской децентрализации стало еще более расточительное использование на местах капиталовложений, против чего выступали Арзумян и его коллеги-экономисты. Судя по всему, идея, изложенная в их записке, не была поддержана Хрущевым. Разорительная для советской экономики растрата инвестиций на каппостроительство продолжалась до самого крушения «реального социализма» в СССР.

Как академик-секретарь Отделения экономики, А.А. Арзумян инициировал процесс соединения теоретических исследований с практикой «социалистического строительства». Он привлек в новое Отделение молодых экономистов-практиков, отраслевиков и даже математиков. По его инициативе была проведена реорганизация хорошо знакомого ему Института экономики АН СССР в плане приближения научных исследований к жизни и к насущным потребностям страны. Арзумян сыграл важную роль в организации Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) во главе с Н.П. Федоренко, а также в создании Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, первым директором которого стал будущий академик А.Г. Аганбегян. По предложению академика-секретаря Отделения экономики А.А. Арзумяна был создан ряд новых экономических вузов и факультетов, что способствовало притоку в экономическую науку и практику молодых образованных специалистов¹.

¹ Академик В.А. Мартынов. Указ соч.// Академики-экономисты России. С. 206 — 208.

ИМЭМО в 1963—1964 годы

Руководство созданным его стараниями Отделением экономических наук нисколько не ослабляло внимания Арзуманяна к другому его детищу — Институту мировой экономики и международных отношений. Численный состав ИМЭМО увеличился с 386 человек в середине 1960 г. до 518 человек к апрелю 1963 г.¹ За эти годы существенно расширилась тематика исследований, под которые создавались новые научные подразделения.

В связи с возрастанием значения в мировой политике молодых освободившихся государств в ИМЭМО в январе 1963 г. был создан отдел экономики и политики слаборазвитых стран во главе с к.э.н. В.Л. Тягуненко². В составе отдела были сформированы три сектора — национально-освободительных революций (зав. сектором Г.И. Мирский), проблем промышленного развития слаборазвитых стран (Р.М. Аваков), аграрных проблем слаборазвитых стран (В.А. Мартынов). В 1962 г. в отделе В.Л. Тягуненко начинал работать будущий директор ИМЭМО Е.М. Примаков. Центральной темой исследований в отделе стала теоретическая разработка проблем некапиталистического развития развивающихся стран.

Наряду с попытками серьезного изучения насущных проблем и перспектив развития так называемого Третьего мира, исследования в этой области зачастую сводились к подбору доказательств истинности заранее сформулированных в Международном отделе ЦК КПСС постулатов: империализм — злейший враг молодых независимых государств, капиталистический путь пагубен для их развития, мировой социализм — самый надежный союзник развивающихся стран и т.д. На ученых заседаниях и на страницах научной печати велись бесконечные дискуссии о некапиталистическом пути развития, о допустимости использования принятого на Западе понятия Третий мир, о правильности или ошибочности определений — «слаборазвитые» или «развивающиеся» страны. Все эти дискуссии были пронизаны духом идеологической схоластики.

Вот как вспоминает об этом доктор исторических наук Г.И. Мирский, в 60-е годы руководивший сектором, а впоследствии — заведующий отделом развивающихся стран ИМЭМО.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

«Я входил в группу из пяти—шести человек, которая под руководством Брутенца (ответственного сотрудника Международного отдела ЦК КПСС. — П.Ч.) составляла важные партийные документы по проблемам

¹ Архив ИМЭМО РАН.

² Рано ушедший из жизни Виктор Леонидович Тягуненко (1920–1975) при А.А. Арзуманяне станет одним из его заместителей, а в 1968 г. будет избран членом-корреспондентом АН СССР. См. о нем: *Тягуненко Л.В.* Виктор Леонидович Тягуненко. Ученый, лидер, человек // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Выпуск 1. Волгоград, 2003. С. 70–82.

третьего мира. <...> В 63-м и 64-м годах, например, мы буквально месяцами не вылезали со Старой площади, работая над «Тезисами ЦК КПСС по проблемам национально-освободительного движения» (они так почему-то и не были опубликованы, все оказалось напрасно). Сейчас, перечитывая сохранившиеся наброски этих материалов, я поражаюсь: сколько же времени и энергии ушло на составление абсолютно никому не нужных текстов, в лучшем случае банальных, а чаще — просто фальшивых, не имевших никакого отношения к тому, что действительно происходило в странах Азии, Африки и Латинской Америки! Ведь буквально все наши прогнозы оказались ложными, все произошло совсем не так, как мы предполагали, основывая наш анализ на «гранитном фундаменте марксистско-ленинской теории».

Конечно, и то, что мы, научные сотрудники, «творили» в наших институтах, сочиняя плановые монографии, было ненамного лучше. Считалось, что мы занимаемся научными исследованиями, но ведь данный термин означает, что предмет действительно исследуется (выделено в тексте. — П.Ч.), изучается с тем, чтобы на основании анализа и обобщения фактов и тенденций придти к объективным выводам, найти истину. Ничего подобного не было и в помине, выводы и заключения были известны заранее»¹.

Безрадостная картина, нарисованная Г.И. Мирским, свидетельствует о том, что ожесточенная борьба между Востоком и Западом за Третий мир, велась тогда на всех фронтах, включая пропагандистский. Беда в том, что люди, призванные исследовать реальные проблемы, оказывались заложниками идеологии и зачастую смотрели на вещи через призму пропаганды. Такое положение, увы, было характерно не только для исследований по проблематике развивающихся стран...

По решению Президиума АН СССР, в мае 1963 г. на базе научной группы по разоружению в ИМЭМО был создан сектор по политическим и экономическим аспектам проблем разоружения. Сектору было поручено изучение всего комплекса вопросов разоружения и политики стран Запада в этой области, влияния научно-технического прогресса на решение вопросов разоружения и т.д.

Из отдела международных отношений в сентябре 1963 г. был выделен самостоятельный сектор международных организаций во главе с Г.И. Морозовым, который занялся исследованием деятельности межправительственных, неправительственных и общественных международных организаций.

В отделе экономики и политики США на базе тематической группы был создан сектор по проблемам воспроизводства США, а в отделе технико-экономических исследований организовали одну из самых первых в системе АН СССР лабораторию экономико-математических расчетов, призванную внедрять средства вычислительной техники для конкретных расчетов технико-экономического потенциала ведущих стран Запада.

¹ Мирский Г.И. Указ. соч. С. 179–180.

В отделе международного рабочего движения в том же 1963 г. сформировали сектор мирового коммунистического движения, в задачу которого входила, в частности, разработка стратегии и тактики международного коммунистического движения и вопросов развития мирового революционного процесса. В отделе в это время работали Т.Т. Тимофеев, В.В. Любимова, А.А. Галкин, К.Г. Холодковский, Г.А. Арбатов, Е.А. Амбарцумов... Туда же, сменив прежнюю специальность, пришел и Г.Г. Дилигенский, уже составивший себе имя как серьезный историк-антиковед.

В это время Арзумян проявлял повышенный интерес к вопросу о «союзниках пролетариата» в антиимпериалистической борьбе и, прежде всего, к т. н. средним слоям.

«У нас укоренились догматические взгляды кое у кого, — говорил он на одном из партсобраний в Институте. — Причем догматизм сливается с незнанием Маркса. Они кричали, что если мы относим к рабочему классу торговый пролетариат, то мы чуть ли не ревизуем марксизм. Но в чем беда этих людей? В том, что они берутся защищать Маркса, не зная его трудов. Если бы такие люди взяли III том Капитала, в особенности главы XVI и XVII, то тогда они увидели бы, что все, что говорится в книге о средних слоях — это есть описание положений Маркса. <...>

Почему я говорю о средних слоях? Не ради академического интереса, а ради того, чтобы помочь разобраться в некоторых вопросах стратегии и тактики борьбы.

Происходят определенные социальные сдвиги. Не все превращаются в фабрично-заводских рабочих. Растут служащие, растет интеллигенция, меняется состав рабочего класса, меняется состав крестьянства. А рабочий класс должен сплотить вокруг себя широкие средние слои. Поэтому он должен знать характер социальной эволюции, интересы различных слоев для того, чтобы дать правильные и понятные лозунги. Если мы считаем, что борьба за демократию есть один из главных вопросов, то должны знать классовый и социальный состав сил, которые сходятся в антимонаполистическую коалицию и принимают требования этой коалиции»¹.

Арзумян ориентировал сотрудников отдела международного рабочего движения на исследование структуры рабочего класса, на изучение средних городских слоев, современного состояния мелкого производства в станах Запада, на проблему безработицы. Он призвал преодолеть в исследованиях «догматический штамп», по которому капитал в странах Запада нещадно «эксплуатирует рабочего», «идет ухудшение, растут цены, снижается зарплата» и т.д. Все гораздо сложнее, подчеркивал Арзумян. «Неквалифицированных рабочих, сколько хочешь», — отмечал он, — но при этом «везде нехватка квалифицированного труда»². Все это требует переосмысления и глубокого изучения.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 150. Л. 8–10.

² Там же. Л. 10.

Активно работал отдел информации ИМЭМО. Его сотрудники постоянно пополняли 950 информационных досье по более чем 2300 вопросам текущей экономической и политической жизни за рубежом. За 1963 г. сотрудники отдела обработали 10754 экз. журналов, 10942 экз. газет и 2012 книг. За тот же год было составлено 43712 библиографических карточек на полученные Институтом книги и журналы. В отделе обрабатывалось: 681 журнал (в том числе 599 — на иностранных языках); 50 газет (в том числе 23 — на иностранных языках)¹. Регулярно выходил Информационный бюллетень ИМЭМО, готовившийся в отделе информации. Он рассылался под грифом «Для служебного пользования» адресатам из партийно-правительственных инстанций.

Большое внимание Арзуманян уделял работе отдела международных отношений. Он горячо поддержал инициативу его заведующего, а затем заместителя директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева о подготовке беспрецедентного на тот период в мировой историографии капитального трехтомного труда «Международные отношения после Второй мировой войны». Вопрос показался Арзуманяну столь важным, что он добился принятия соответствующего решения Секретариата ЦК КПСС (от 21 июня 1960 г.), «благословившего» создание этого труда. Работа над ним будет вестись на протяжении всей первой половины 60-х годов.

В связи с началом работы над трехтомником Арзуманян впервые выдвинул идею о предмете «международные отношения», как самостоятельной научной дисциплине. «*К международным отношениям, — писал он в одной из записок, — мы подходим как к отпочковавшейся науке, стоящей на стыке экономики, истории, идеологии, политики*»².

Эта идея впоследствии получит развитие в работах Н.Н. Иноземцева, В.И. Гантмана, О.Н. Быкова, Д.Г. Томашевского, Э.А. Позднякова и других ведущих теоретиков-международников ИМЭМО.

В начале 60-х годов в Институте разворачиваются исследования по проблемам европейской безопасности. Арзуманян выступает с инициативой объединения усилий в этой области с коллегами-международниками из социалистических стран.

Все началось с международной конференции, состоявшейся в мае 1961 г. в Праге с участием ученых-международников СССР, ГДР, Чехословакии и Польши. Советскую делегацию на конференции возглавлял А.А. Арзуманян.

По окончании конференции, где обсуждались вопросы европейской безопасности и внешней политики ФРГ, чехословацкая делегация предложила создать четырехстороннюю комиссию для дальнейшего совместного изучения европейской проблематики. Арзуманяну эта идея понравилась, и он подписал соответствующий протокол об учреждении такой комиссии, о чем по возвра-

¹ Отчет о научно-исследовательской деятельности Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1963 году // Архив ИМЭМО РАН.

² Из набросков к докладу, сделанному А.А. Арзуманяном в 1961 г. в ИМЭМО // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 20.

щении в Москву письменно проинформировал члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК М.А. Суслова¹.

Отдел науки ЦК КПСС, всегда недолюбливавший Арзуманяна и его Институт, усмотрел в инициативе директора ИМЭМО недопустимую самостоятельность, и даже превышение полномочий. Руководство отдела науки (зам. зав. отделом Д. Кукин и зав. сектором К. Кузнецова) направило письмо на имя Суслова, в котором осуждались действия Арзуманяна.

«Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС, — говорилось в письме, — считает создание указанной комиссии нецелесообразным. <...> В связи с этим в Отдел... были приглашены члены советской делегации зам. директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР т. Иноземцев и директор Института истории АН СССР т. Хвостов, которым в беседе было указано, что вопрос о создании вышеназванной комиссии ученых-международников СССР, ЧССР, ГДР и ПНР им следовало согласовать с президиумом АН СССР. Считаем возможным на этом закончить рассмотрение данного вопроса»².

Партийные чиновники явно недооценили Арзуманяна, который если и принимал какое-то решение, то лишь после серьезного обдумывания, и обычно добивался его реализации.

Хорошо зная нравы и законы функционирования аппарата ЦК КПСС, Арзуманян через своих коллег из пражского Института международной политики и экономики инициировал письмо секретаря ЦК КПЧ В. Коуцкога в адрес ЦК КПСС. В письме говорилось о полной поддержке со стороны ЦК КПЧ идеи создания смешанной четырехсторонней комиссии ученых-международников и выражалась надежда на соответствующую поддержку со стороны «советских товарищей». Списанное было в партийный архив дело получало новый поворот.

Вскоре отдел науки получил указание сразу двух членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС — М.А. Суслова и О.В. Куусинена — вернуться к, казалось бы, снятому вопросу. В результате ранее осужденные несанкционированные действия Арзуманяна теперь получили официальную поддержку. В письме, адресованном Суслову и Куусинену, руководители сразу трех отделов ЦК — идеологического (Л. Ильичев), пропаганды и агитации (И. Медведев) и науки (Д. Кукин) — выразили полную готовность согласиться с предложениями ЦК КПЧ о создании смешанной комиссии. «Представительство советской части и организацию ее практической работы в смешанной комиссии следовало бы возложить на Институт мировой экономики и международных отношений (т. Арзуманян). Просим согласия», — рапортовали 6 сентября 1961 г. Ильичев, Кукин и Медведев в Секретариат ЦК³.

¹ Текст письма А.А. Арзуманяна с отчетом о конференции в Праге см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 56–57.

А следом на имя посла СССР в Чехословакии из ЦК КПСС ушла шифро-телеграмма следующего содержания:

«Сообщите т. Коуцкому, что в Москве рассмотрели предложение ЦК КПЧ о создании смешанной комиссии ученых ЧССР, СССР, ГДР и ПНР, занимающихся германской проблематикой. Передайте, что мы согласны с образованием такой комиссии, а также с тем, чтобы инициатором ее созыва выступил Институт международной политики и экономики в Праге.

В состав советской части указанной смешанной комиссии могут войти представители Института мировой экономики и международных отношений, Института истории, Института славяноведения Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и журнала «Международная жизнь». Руководство советской частью в смешанной комиссии будет возложено на представителя Института мировой экономики и международных отношений АН СССР»¹.

1 октября того же года из Москвы в Варшаву, где должно было состояться подготовительное заседание создаваемой смешанной комиссии, отбыл представитель ИМЭМО В.В. Размеров, на которого будет возложена миссия по организации ее работы от советской стороны. В дальнейшем Постоянная комиссия (таково будет ее официальное название) расширится за счет представителей от других социалистических стран. Работа ее будет строиться на организации регулярных конференций с обсуждением актуальных проблем европейской безопасности и сотрудничества и последующей публикации материалов этих конференций². Научные разработки и предложения, выработанные в рамках деятельности Постоянной комиссии, окажут определенную помощь советской дипломатии в период подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1973—1975) и в ходе последующего развития «хельсинкского процесса».

Институт продолжал регулярно направлять в директивные и другие государственные инстанции свои аналитические разработки и информационные записки. Среди материалов, отправленных в 1963 г., можно назвать, в частности: «Потребление на душу населения» (автор — А.И. Шапиро, адресат — Б.Н. Пономарев, ЦК КПСС); «О некоторых факторах роста эффективности науки в развитых капиталистических странах» (Б. Комзин, адресат — Президент АН СССР М.В. Келдыш); «О мероприятиях по использованию передового зарубежного опыта по организации производства и международного сотрудничества в целях быстреего развития химической промышленности СССР и социалистических стран» (В.П. Глушков, для ЦК КПСС); «О внешнеполити-

¹ Текст письма А.А. Арзумяна с отчетом о конференции в Праге см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 58.

² О деятельности Постоянной комиссии см.: Черкасов П. Сотрудничество ученых социалистических стран в изучении проблем европейской безопасности // Новая и новейшая история. 1973, № 3. С. 217—218.

ческих последствиях возвращения к власти в Англии консервативной партии» (М.П. Фрейзер¹, для ЦК КПСС); «Англия и «Общий рынок» (Е.С. Хесин, адресат — А.И. Микоян).

Эта работа продолжалась и в 1964 г. В числе получателей продукции ИМЭМО, наряду с традиционными адресатами, появились новые — Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР, ЦСУ СССР, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Парламентская группа СССР, Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО и др.

Буквально через неделю после смещения Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. директор ИМЭМО направляет в адрес нового Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева 19-страничную записку М.П. Фрейзера и Д.Е. Меламида — «Внешнеполитические последствия победы лейбористской партии на выборах в Великобритании».

Не всем на Старой площади нравилась активность директора ИМЭМО, по своему усмотрению направлявшего институтские записки тем руководящим работникам, кому, как он считал, они будут полезны. Вызывала недовольство и чрезмерная, по мнению партбюрократов, независимость, с которой держался Арзуманян. В аппарате ЦК КПСС неоднократно предпринимались попытки ограничить независимость Арзуманяна и его активность.

«В связи с одной из записок, в которой критиковались формы нашей помощи развивающимся странам (ее написал Г.Е. Скоров), произошел характерный эпизод, — вспоминает Г.А. Арбатов. — Арзуманян разослал записку «тиражом» 50 экземпляров, так сказать, «в заинтересованные инстанции», включая ГКЭС, в основном занимавшийся помощью «третьему миру». Руководство этой организации пожаловалось М.А. Сулову, тот вызвал Арзуманяна и... заявил ему примерно следующее: «Арзуманян, мы с тобой старые члены партии, ты помнишь и знаешь, как действовала оппозиция — писали платформы и рассылали их по собственному усмотрению. Так дело не пойдет. Ты, если пишешь записку, присылай ее нам сюда в одном экземпляре, а мы уже будем решать, кому ее направлять».

У Арзуманяна хватило решительности (и «плаучести» — с учетом его родства с Микояном и незаурядной способности завязывать нужные связи, притом весьма высокие) проигнорировать это указание — готовить и рассылать по своему собственному усмотрению записки он продолжал»².

Принципиальная позиция Арзуманяна в этом вопросе объяснялась вовсе не суетным желанием напоминать о себе и своем Институте «кому следует» (хотя и в этом не было бы ничего предосудительного), а его настойчивым стремлением просвещать «верхи», многие представители которых — он это хорошо знал — все еще пребывали «во власти тьмы» и невежества. Просвети-

¹ М.П. Фрейзер — он же бывший английский дипломат и одновременно советский разведчик Дональд Маклэйн, о котором будет рассказано в другом месте.

² Арбатов Георгий. Человек СИСТЕМЫ. М., 2002. С. 115–116.

тельская функция всегда занимала важнейшее место в деятельности ИМЭМО и его основателя. Арзуманян полностью отдавал себе отчет в том, что если он согласится на «посредничество» Общего отдела или отдела науки ЦК КПСС в распространении по инстанциям «закрытой» продукции ИМЭМО, то до заинтересованного «потребителя» дойдет лишь самая малая ее толика. Подавляющая же часть записок, готовящихся в ИМЭМО, попадет в мусорные корзины некомпетентных или чрезмерно бдительных и осторожных партийных чиновников. А в этом случае теряла всякий смысл развернутая Арзуманяном работа по информационно-аналитическому обеспечению директивных инстанций разработками в области новейших тенденций в мировой экономике и политике.

Именно по этой причине Арзуманян до последних дней жизни будет отстаивать право свободно, без ненужных посредников снабжать высшее партийно-государственное руководство, заинтересованные министерства и ведомства необходимой информацией и аналитическими разработками ИМЭМО¹.

Институт наращивал выпуск печатной продукции. В 1963 г. сотрудниками ИМЭМО было издано 30 индивидуальных и коллективных работ, в 1964-м — 31 монография.

Стараниями Арзуманяна, всегда заботившегося о подготовке молодых научных кадров, год от года увеличивался прием в аспирантуру ИМЭМО. В декабре 1964 г. в ней числилось 119 человек, в том числе в очной аспирантуре — 53 человека, в заочной — 62, прикомандировано — 4².

Расширились международные научные связи Института. Если в 1962 г. в научные заграникомандировки выезжали 38 сотрудников, то в 1963 г. — 53 человека, посетившие 22 страны. В то же время в ИМЭМО в 1962 г. побывали 65 иностранных ученых, политических и общественных деятелей, а в 1963 г. — уже 120 человек³.

Стиль Арзуманяна

Успешная в целом работа ИМЭМО в значительной степени зависела от организаторских способностей его директора — осмотрительного, но настойчивого в отношениях с начальством и одновременно внимательного к своим

¹ «Характерно, — пишет в своей книге Г.А. Арбатов, — что в последние годы жизни Л.И. Брежнев (может быть, по инициативе того же М.А. Суслова) было официально запрещено направлять записки и иные материалы представителям руководства и работникам аппарата ЦК — все должно было направляться в адрес «ЦК КПСС», то есть в Общий отдел, который курировал К.У. Черненко. И уже там анонимные чиновники решали судьбу присланного материала — многое шло «в корзину», другое — в пару отделов ЦК, и лишь в отдельных случаях плод трудов ученых прорывался к руководству. Естественно, что это быстро ощутили научные коллективы, и у ученых был отобран даже и моральный стимул к работе, что хуже всего — стимул не только писать записки, но и думать: зачем трудиться, если твои мысли никому не нужны?» // Там же. С. 116.

² Отчет о научной деятельности Института мировой экономики и международных отношений в 1964 году // Архив ИМЭМО РАН.

³ Там же.

сотрудникам, в одно и то же время — осторожного в вопросах идеологии и открытого всему новому, что предлагалось самой жизнью, экономическими и политическими реалиями постоянно меняющегося мира.

Директорство А.А. Арзумяна (1956—1965), как и весь начальный период существования ИМЭМО, пришлось на время последнего всплеска «идеологического романтизма», когда высшее партийно-государственное руководство (прежде всего сам Н.С. Хрущев), по всей видимости, вполне искренне верили в возможность в обозримой перспективе построения в СССР основ коммунистического общества и — уж во всяком случае — не сомневались в «исторической победе» социализма над капитализмом.

Подобного рода иллюзии были характерны и для значительной части советского общества, в том числе для интеллигенции. Этому способствовала и определенная десталинизация режима, его смягчение после смерти диктатора, и очевидные успехи СССР в области науки и техники (мировое лидерство в освоении космоса, впечатляющее весь мир покорение Волги и великих сибирских рек, где одна за другой возникали ГЭС, и т.д.), создававшие новый, привлекательный образ Советского Союза в мире.

Даже немногие, оппозиционно настроенные представители интеллигенции пока еще не выходили за рамки коммунистической идеологии, настаивая лишь на «возвращении к ленинским нормам», к ценностям первых лет революции. Булат Окуджава воспевал «комиссаров в пыльных шлемах» и хотел бы умереть «на той единственной, гражданской», Юрий Любимов ставил в театре на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир», а Андрей Вознесенский в поэме «Антимиры», также поставленной Любимовым, требовал: «Уберите Ленина с денег! / Он не для денег, / Он для знамен...».

Те редкие пока еще советские диссиденты, которые арестовывались КГБ на рубеже 50—60-х годов (например, по «делу Краснопевцева» в МГУ) исповедовали «революционный марксизм» и обличали лишь «предательство» наследниками Ленина «идеалов революции».

Мало кто подвергал тогда сомнению идеологические устои советского режима. Считалось, что достаточно очиститься от сталинской скверны, вернуться к «чистым истокам», т.е. «перечитать» Ленина и строго следовать его «заветам», чтобы действительно построить самое справедливое в мире общество.

Вера в нравственное превосходство социализма была в то время столь сильна, что «борьба с империализмом» в мировом масштабе считалась делом праведным, тем более что в нее, как казалось, вовлекались все новые отряды борцов антиимпериалистического фронта — коммунистическое, рабочее движение, антивоенное, национально-освободительное, а вскоре и молодежное студенческое движение. Общественное отрезвление начнется лишь в период Карибского кризиса 1962 г., когда мир, в результате авантюристических действий Хрущева, оказался на грани термоядерного Апокалипсиса. Одновременно в обществе зарождалось недовольство чрезмерной расточительностью советского руководства в оказании помощи союзникам в антиимпериалистической борьбе — молодым освободившимся государст-

вам Азии и Африки, в то время как сами советские люди испытывали растущие трудности даже с основными продуктами питания.

Отмеченные выше особенности периода «поздней оттепели» важны для более объективной оценки деятельности академика А.А. Арзуманяна и возглавляемого им Института мировой экономики и международных отношений. Сам Арзуманян, как и подавляющее большинство сотрудников ИМЭМО, безусловно, были лояльны по отношению к власти. Более того, Арзуманян искренне верил в официально провозглашаемые партией лозунги и видел свой «партийный и гражданский долг» в неукоснительном выполнении любых заданий высшего партийного руководства. Отсюда сильный крен в сторону идеологической схоластики и пропагандистский налет в работе ИМЭМО тех лет.

Но, как уже неоднократно отмечалось, Арзуманян, будучи человеком прогрессивных взглядов, столь же искренне хотел содействовать обновлению утвердившихся со сталинских времен представлений о мире. Вот что пишет об этом Е.М. Примаков, познакомившийся с Арзуманяном в 1962 г.: *«Мы писали тезисы для ЦК, которые потом были опубликованы как интервью Хрущева. Арзуманян «завернул» первый вариант со словами: «Вы замаскированно используете сталинскую методичку в определении разницы между буржуазной и национально-освободительной революциями. Это неприемлемо». Разглядел все-таки...»*, — замечает по этому поводу Примаков¹.

В своих воспоминаниях Е.М. Примаков вводит понятие *«внутрисистемные диссиденты»* применительно к людям, пытавшимся обновить «реальный социализм», сделать его более адекватным реальностям второй половины XX века, а на деле — идеологически расшатывавшим существовавшие порядки. К таким людям он относит, в частности, члена ЦК КПСС академика А.М. Румянцева, главного редактора «Правды» в начале 60-х годов, а затем вице-президента АН СССР².

Независимо от того, можно ли считать «внутрисистемными диссидентами» таких людей, как А.М. Румянцев, Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, сам Е.М. Примаков или А.А. Арзуманян, интересна другая мысль академика Примакова, который говорит, что расшатывание системы начиналось не только с критики Сталина, но и с *«признания несоответствия догматических постулатов марксизма-ленинизма реальности»*³. А именно этим зачастую и занимались консультанты из АН СССР, привлекавшиеся к выполнению заданий ЦК КПСС.

¹ Примаков Евгений. Годы в большой политике. М., 1999. С. 21. Вполне возможно, что речь в данном случае идет о тех самых Тезисах, о которых говорил Г.И. Мирский (см. с. 186). Правда, Мирский относит эту работу к 1963 или 1964 годам. — П.Ч.

² Там же. С. 12—15.

³ *«Давалось это нелегко, — пишет Примаков, — и потому, что встречало самое рьяное сопротивление «сверху», и потому, что «внутрисистемные диссиденты», поднявшие руку на идеологические догмы, опасаясь реакции начальства, да и по своим убеждениям, ссылались в выводах на того же В.И. Ленина»* // Там же. С. 14—15.

Если говорить об Арзумяне, то он, конечно, никогда не покушался на основы марксизма-ленинизма, сосредоточившись исключительно на борьбе против теоретического наследия сталинизма.

Еще при жизни Арзумяна можно было встретиться с мнением о его творческой несамостоятельности. Иной раз говорили даже о том, что за него кто-то пишет, а быть может, даже и мыслит, намекая при этом на его молодых помощников.

Изучение бумаг личного фонда академика А.А. Арзумяна в Архиве РАН, где сохранились многочисленные черновые наброски и различные варианты его статей и выступлений, убеждает в полной несостоятельности такой точки зрения. Автографы, исчисляемые многими десятками страниц, говорят об авторстве самого Арзумяна; они свидетельствуют о непрерывной работе мысли и напряженных поисках ответов на вопросы теории и практики, как мировой, так и советской экономики, а также на вопросы текущей международной жизни. При этом, разумеется, директор ИМЭМО прибегал к помощи своих сотрудников, среди которых были те, кому он мог, в частности, доверить литературное оформление тех или иных своих статей (особым доверием Арзумяна в этом отношении пользовался кандидат (впоследствии — доктор) экономических наук Анатолий Иосифович Шапиро).

Из воспоминаний профессора Д.Г. Томашевского, руководившего в 60-е годы отделом международных отношений ИМЭМО:

«В Институте можно было иной раз услышать разговоры, будто сам Арзумян ничего не пишет, а лишь зачитывает то, что для него пишут другие. Лично могу засвидетельствовать, что подобные разговоры не имели под собой никакой почвы, во всяком случае, в той мере, в какой об этом кто-то говорил.

Я помню, например, такой эпизод: мы как-то работали у него на квартире — Анатолий Иосифович Шапиро, выполнявший при Арзумяне, как теперь говорят, роль спичрайтера, я и еще несколько человек. Все мы что-то писали на заданную Арзумяном тему. Сам он, как будто, не вмешивался в этот процесс; время от времени выходил из комнаты, потом возвращался. Нам даже казалось, что мы излагаем собственные оригинальные мысли. Но в действительности все было не так: именно Арзумян задал нам направление, по которому шел коллективный творческий процесс. Сам он мог в этот момент и не писать, но все идеи были его, мы лишь оформляли их в требуемой форме. Он всегда знал, что, в конечном счете, необходимо получить и, надо сказать, получал требуемый конечный продукт.

И еще один эпизод: помню, Институт проводил какую-то конференцию совместно с журналом «Проблемы мира и социализма». Сопредседателями на ней были Арзумян и академик А.М. Румянцев. Разумеется, оба их основных доклада были подготовлены «спичрайтерами», соответственно — из ИМЭМО и редакции «ПМС». Потом развернулась дискуссия по этим докладам. А утром следующего дня оба сопредседателя конференции выступили с заключительным словом. Выступление А.М. Румянцева было выдержано

в самых общих фразах. А вот А.А. Арзуманян представил глубокий по содержанию и блестящий по форме анализ всего того, о чем говорилось на конференции. Сразу же по окончании этого мероприятия мы стали спрашивать друг у друга, кто же это смог за ночь подготовить Арзуманяну столь яркое и содержательное выступление. Оказалось, что никто из его обычных «спичрайтеров», включая Шапиро, в этом не участвовал. Автором был сам Арзуманян, что лишний раз опровергало разговоры о его творческой несамостоятельности»¹.

Все, кто лично знал Арзуманяна, единодушно отмечали его организаторский талант и доброжелательное отношение к своим сотрудникам. Никто никогда не слышал, чтобы он разговаривал хотя бы на повышенных тонах — не то, чтобы кричал на подчиненных, как многие начальники. Ветеран ИМЭМО д.э.н. Е.С. Хесин вспоминает, что Арзуманян всегда, даже выступая на Ученом совете или партсобраниях, говорил очень тихо, — настолько тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы услышать, о чем он говорит. Любопытно, что этой спокойной манере общения с людьми невольно пытались подражать и его заместители, правда, не все из них сохранили эту полезную привычку после ухода из жизни основателя ИМЭМО.

«Он не терпел интриг, не давал им ходу, — вспоминает близко знавший Арзуманяна д.и.н. С.А. Микоян. — Не обращал внимания на скрытые уколы со стороны некоторых «преданных» сотрудников. Относился к людям объективно, соответственно их способностям и возможностям. Был подлинным интернационалистом. Его верный секретарь Аза Хабицева, участник войны, честнейшая женщина, не боявшаяся ничего и никого, с огромным уважением относилась к шефу. Она поражалась и восхищалась его терпимостью к тем, кто проявлял скрытую нелояльность. А такие бывали, хотя и редко, скорее, по свойству собственного характера, а не от нелюбви к Арзуманяну...

Ему был присущ новаторский, гуманный стиль руководства, который вместе с тем способствовал формированию мощного научного коллектива, свободного в суждениях (со скидкой на особенности тех лет), приученного самостоятельно мыслить, создававшего обстановку научного роста всего коллектива, — кроме откровенных бездельников или выпивох, которых тоже можно было найти, но в незначительном количестве. Должен сказать, — замечает Микоян, — что когда я сам стал администратором — главным редактором (журнала «Латинская Америка. — П.Ч.) с коллективом около 20 человек, часто вспоминал Арзуманяна и пытался брать с него пример»².

Это мнение о стиле руководства Арзуманяна полностью разделяют многие из его бывших сотрудников, в частности, д.и.н. Д.Г. Томашевский и академик Г.А. Арбатов.

¹ Запись беседы с Д.Г. Томашевским 2 апреля 2002 г.

² Микоян С.А. Указ.соч. С. 24—25

«Анушаван Агафонович, — свидетельствует Томашевский, — заслуживает самых добрых слов. Это был очень интересный человек и, по моему мнению, можно говорить о его поистине великих заслугах перед коллективом ИМЭМО. Он смело привлекал в Институт молодежь, а также людей, как тогда говорили, с «подмоченной биографией». Он этого не боялся. Его умелая кадровая политика имела большое положительное значение для всей работы Института.

Арзуманян очень доверял своим сотрудникам, он опирался на них, умело воспитывал, способствовал их росту. Это был не просто формальный создатель Института. Арзуманян заложил те принципы и те традиции, на которых ИМЭМО развивался все последующие годы»¹.

Из воспоминаний Г.А. Арбатова:

<...> Огромную роль сыграли личные качества Арзуманяна: его человеческая порядочность, нетерпимость к попыткам проработок (а такие попытки предпринимались) и, наоборот, терпимость к мнениям других, в том числе достаточно смелым, конечно, когда они высказывались в должной форме и в достаточно узком кругу. Это сочеталось с решительностью, когда надо было освободиться от не оправдавших надежд, тянувших назад сотрудников (ошибок в отборе людей, естественно, избежать он не мог, но старался их быстро исправлять). Все это содействовало формированию в институте товарищеской обстановки, создавало условия для довольно свободной творческой дискуссии — а без того и другого просто не может сложиться и нормально развиваться творческий коллектив. Должен сказать, что именно это привлекло в конце 1962 года в ИМЭМО и меня, заставив отказаться от ряда других интересных предложений»².

С конца 50-х годов А.А. Арзуманян получил возможность делового общения с Н.С. Хрущевым, который ценил директора ИМЭМО и нередко давал ему личные поручения по тем или иным вопросам международной и внутренней экономической жизни. В 1964 г., в связи с 60-летием, академик А.А. Арзуманян был награжден орденом Ленина. Арзуманян, понятно, очень дорожил доверием Хрущева и умело использовал связи с ним в интересах своего Института и Академии наук в целом.

Поэтому внезапное отстранение Хрущева с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. стало тяжелым ударом для Арзуманяна, тем более что пошатнулись и позиции А.И. Микояна, всегда поддерживавшего Хрущева. Через год А.И. Микоян будет отправлен на пенсию с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР и члена Президиума ЦК КПСС. Прав-

¹ Запись беседы с Д.Г. Томашевским.

² Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 114.

да, Арзуманяну не доведется увидеть это. 18 июля 1965 г. он внезапно умер от инсульта на 62-м году жизни¹.

«Академик А.А. Арзуманян, — говорилось в некрологе, подписанном Л.И. Брежневым и другими руководителями КПСС, — был ученым ленинской школы, соединявшим научно-теоретические исследования с большой практической работой, с повседневным служением партии и советскому народу, международному коммунистическому и рабочему движению. <...> Его жизнь и деятельность — яркий пример беззаветного служения партии и народу»².

Можно с большой долей уверенности предположить, что, если бы не преждевременная смерть, Анушаван Агафонович Арзуманян и при Брежневе имел все шансы продолжить карьеру общественного и даже партийно-государственного деятеля, несмотря на его связи с отправленными в отставку Хрущевым и Микояном. Такую уверенность давало его давнее (со времен войны) близкое знакомство с Л.И. Брежневым, который, как известно, не только не забывал старых друзей, но и продвигал их на высокие посты. Да и сам Арзуманян высоко ставил фронтовое братство. Он собрал в ИМЭМО едва ли не весь бывший руководящий состав политотдела 18-й армии (за исключением его начальника, ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС) — Пахомов, Юркин, Акопян...

Каковы же результаты деятельности Арзуманяна на посту директора ИМЭМО в первые девять лет существования Института?

Исчерпывающий, на мой взгляд, ответ на этот вопрос дает академик Г.А. Арбатов, работавший в 1962—1964 гг. в ИМЭМО.

Из воспоминаний Г.А. Арбатова:

«<...> Если судить не по сегодняшним меркам, учитывать всю неприглядность оставшегося Арзуманяну и окружавшим его людям теоретического наследия, то можно сказать, что уже в первые годы институт дал немало. Прежде всего в плане расшатывания старых догм, расчистки пути для более реалистического взгляда на мир, на капиталистическую экономику и международные отношения. <...>»

¹ Здоровье Арзуманяна, безусловно, было подорвано почти двухлетним пребыванием в ежовских застенках. В последующие годы А.А. Арзуманян страдал от гипертонии. Все обращали внимание на нездоровый красновато-розовый оттенок его одутловатого лица. Болезнь прогрессировала по мере того, как Арзуманян брал на себя все новые нагрузки. В его частной переписке с друзьями и близкими конца 50-х - начала 60-х годов нередко встречаются сетования на высокое давление и плохое самочувствие. Столь же часто, ради неотложной работы, он пренебрегал лечением и даже обычным отдыхом.

² МЭ и МО, 1965, № 8. С. 159—160. Некролог был опубликован во всех центральных советских газетах.

В институте очень быстро сложилась сравнительно немногочисленная группа ученых, пользовавшихся личным доверием Арзумяна, которым была дана относительно большая свобода. Мало того, их в какой-то мере поощряли на неортодоксальность. Эти люди работали для руководства, и работали довольно успешно. Произвела, в частности, впечатление посланная наверх записка о появлении на Западе специального научного направления, сравнивающего результаты развития экономики капиталистических и социалистических государств (вскоре это направление исследований, хотя и не всегда полностью объективных, появилось и в СССР). То же самое можно сказать о записках, посвященных западноевропейской экономической интеграции и говоривших о ней как о реальности, — до этого наши специалисты заодно с журналистами громили ее как реакционную выдумку, пропаганду, чьи-то происки. Был поднят и ряд других тем. Эти записки нередко вызывали недовольство консерваторов, которые пытались перекрыть или хотя бы поставить жесткий контроль за новым каналом информации руководства. <...>

У Арзумяна был еще один весьма важный канал воздействия на политическую мысль и политику — подготовка партийных документов и речей руководящих деятелей. К этой работе Анушаван Агафонович привлекался систематически (а потом и некоторые сотрудники его института). ...Все это... помогало размораживать общественную и политическую жизнь. Как тем, что отвергались догмы (о стагнации экономики капитализма, об абсолютном обнищании рабочего класса на Западе и др.), так и тем, что утверждались, пускались в политический оборот новые представления (например, о реальности западноевропейской интеграции, многообразии путей развития стран «третьего мира» и т.д.). Понемногу рождались и новая методология научных исследований, и более объективные подходы к статистике и буржуазным экономическим теориям. <...>

Конечно, были в работе института и серьезные просчеты. Арзумяна и, насколько я знаю, часть его сотрудников тоже поддалась эйфории второй половины 50-х годов и не только не попытались вернуть руководство на землю, но и поддерживали его иллюзии насчет того, что СССР быстро нагонит и перегонит США в экономике, а затем построит коммунизм, — те иллюзии, которые вошли потом в Программу КПСС и стали со временем объектом острой критики и даже, к сожалению, едких насмешек. <...>

Но это не меняет главного: недостатки более чем компенсировались тем вкладом, который внесли институт и его первый руководитель в пробуждение от долгой спячки, от догматического оцепенения нашей общественной науки. В этом плане важным было то, что ИМЭМО стал как бы «инкубатором» нового поколения экономистов-международников и (хотя в меньшей мере) специалистов по внешней политике. Люди, прошедшие через школу института, заняли со временем важные места в нашей науке, а отчасти и в политике. Мало того, ИМЭМО стал как бы корнем, от которого со временем пошла в рост целая группа институтов Академии

*наук — международного рабочего движения, Африки, Латинской Америки, США и Канады*¹.

*Все это в целом означало крупный шаг вперед на одном из важных участков развития нашей общественно-политической мысли. Если, конечно, поговорить с меркой не сегодняшнего дня, а учитывать реальности исторического и политического процесса»*².

Загруженность текущими научно-организационными вопросами по ИМЭМО и по Отделению экономики АН СССР практически не оставляла Арзумянну времени для написания солидных монографий, чем занималось большинство его коллег и сотрудников. Тем не менее он внес значительный вклад в разработку целого ряда проблем политической экономии социализма (прежде всего теории воспроизводства)³.

Наверное, важнейшей задачей советской экономической науки академик А.А. Арзумян считал поиски путей и средств к обеспечению эффективности социалистической экономики. На эту тему много писал и он сам, и его соратники из академических институтов. «С горечью приходится констатировать, — заметил по этому поводу академик В.А. Мартынов, — что отмеченные А.А. Арзумяном вопросы повышения эффективности экономики СССР так и не нашли своего решения ни при его жизни, ни в последующие годы»⁴.

¹ Эту идею А.А. Арзумян пробивал в ЦК КПСС еще с 1957 г., когда шла работа по составлению семилетнего плана, и он пытался включить в готовившиеся тогда Директивы экономического и социально-политического развития СССР предложение об открытии в системе АН СССР хотя бы трех научно-исследовательских институтов международно-экономического профиля. В Архиве ИМЭМО сохранилась копия его записки в ЦК КПСС от 6 марта 1957 г. по этому вопросу. Идея Арзумяна начала воплощаться в жизнь в начале 60-х годов. — П.Ч.

² Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 114–118.

³ См. об этом: Академик В.А. Мартынов. Указ соч. // Академики-экономисты России. С. 208–209.

⁴ Там же. С. 210.